

КН
100

589

И. БРУНО и Е. ЮКОН

~~К 26 29~~

К О Н Е Ц
Г Н И Л О Й С И С Т Е М Ы

(ДЕЛО ЦГР).

534

П Р И Б О Й
ЛЕНИНГРАД
1 9 2 9

№ 11411

15. VII. 1929

Ленинградский Областной № 23917.
2³/₈ л. Тираж 7000 (А. 17. 12626/пр.).

... Всегда у нас что-нибудь отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело. Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование. Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся — вот основа нашего развития".

И. Сталин.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
ПИСЬМО ЦК ВЛКСМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ.

Дорогие товарищи!

Работа Союза протекает в очень сложных условиях, когда обостряются классовые противоречия в стране и, наряду с ростом социализма, усиливаются активность и напор со стороны мелкобуржуазной стихии.

В этой обстановке комсомольские организации должны проявить особенную классовую пролетарскую сплоченность и выдержанность политической линии на основе директив партии. В этой обстановке необходимо самым тщательным и безбоязненным образом вскрывать и искоренять все и всякие язвы и недочеты в жизни и работе организаций, чтобы тем больше и скорее укрепить наш Союз, его неразрывную связь с рабочими массами, его повседневную коммунистическую работу.

Обследование в Центральном-городском районе ВЛКСМ закончено. Конкретные носители зла, прежние руководители организации, сняты с работы. Бюро райкома переизбрано. В организации поднимается встречная волна самокритики, которая смет последние остатки старого руководства и старых отношений. Предстоящая районная конференция должна будет подвести широчайшую массовую базу под начавшуюся перестройку руководства.

Итоги обследования Центрально-городского района обсуждались на районном активе, на пленуме ленинградского областкома и в бюро цекамола. Они подробно освещались в печати. Центральный комитет комсомола в настоящем письме к Ленинградской организации считает нужным в сжатой форме дать общую оценку дела в Центрально-городском районе. В предстоящую перевыборную кампанию в Ленинграде следует широко обсудить итоги обследования Центрально-городского района для того, чтобы извлечь из него уроки для всей Ленинградской организации.

Руководство Центрально-городского района основывалось не на инициативе и самостоятельности масс, а на попрании внутрисоюзной демократии, глушении самокритики, семейственном подборе людей. Железный обруч массового контроля снизу был заменен ржавым кольцом круговой поруки вверху. В корне неправильные методы руководства создали условия для общего искажения союзной линии на основных участках работы.

Крупнейшие пролетарские коллективы были отнесены от руководства. Обюрократившаяся верхушка райкома видела в них не свои опорные пункты в организации, а опасных свидетелей, которых лучше не допускать на близкое расстояние к райкому.

Социальный состав организации непрерывно ухудшался в течение всего 1927 года. Приток рабочей молодежи ослаб, зато настежь были открыты шлюзы, соединявшие комсомол со служащими и «прочими». Среди вновь принятых за 1927 год рабочей молодежи было 44%, служащих — 56%.

Соответственно этому в рядах актива в последнюю перевыборную кампанию произошло вытеснение рабочего ядра служащей и учащейся молодежью.

В составе бюро коллективов по рабочей группе, рабочие уменьшились на 10%, служащие увеличились на 12%. Актив выдвигался не на основе классового и делового отбора, а на началах семейственности, потакания начальству и послушности. Больные стороны организации систематически замазывались. Больше того: массы и руководящие органы вводились в заблуждение путем нарочитой подтасовки цифр (отчет райкома последней конференции). Так складывалась система руководства в Центрально-городском районе, все звенья этой бюрократической цепи были прочно сцеплены между собой.

Когда ставка делается на «послушных» и «ляющих в такт» (слова б. секретаря райкома тов. Зимы), основные пролетарские коллективы, выказывающие сопротивление гнилым методам руководства, неизбежно отбрасываются в сторону. Чем хуже шли дела в районе, тем более все руководство сдвигалось на метод приказа, окрика и администрирования.

В конце концов району одели шоры на глаза (отчет с подтасованными цифрами), так как лишь таким образом обюрократившееся и растерявшее внутренний авторитет руководство могло вести за собой здоровую в основной массе и сопротивляющуюся этим, в корне неправильным, методам организацию.

Обследование Центрально-городского района нарисовало отчетливо картину бюрократического за-костенения верхушки райкома и дало законченный образчик гнилого, а не революционного руководства. Союз и Ленинградская организация в первую голову должны многому научиться на деле Центрально-городского района.

Кто же виноват во всех этих безобразиях, которые безнаказанно практиковались в районе?

Непосредственные виновники, конкретные носители зла, сняты с работы. Методы их руководства были соответствующим образом оценены, прежде всего, самим районом в резолюции, единодушно принятой районным активом по докладу комиссии.

Конкретные носители зла найдены и изгнаны. Но виноваты не они одни, виноват также Ленинградский областной комитет комсомола, который, доверившись казенной информации Зимы, непрерывно сигнализировавшего полное благополучие, не только не прекратил этих безобразий, но и не принял своевременно мер против систематического извращения линии комсомола, практиковавшегося в Центрально-городском районе.

Комсомольцы завода им. Марти заявляли областному о неправильной линии районного комитета, но областком прошел мимо этих заявлений. Тем самым организация оказалась передоверенной Зиме и его ставленникам. Скрепки контроля сверху на этом участке работы областкома оказались ослабленными. Этим объясняется, что в период вскрытия дела в Центрально-городском районе областком недоучел всей глубины извращений, имевших место в районе. Слишком резок и неожидан был переход от казенных информаций Зимы к обнаружившемуся банкротству районного руководства. Отмечая допущенную областком ошибку, ЦК считает нужным заявить, что эта ошибка при помощи ЦК исправлена областком твердым и решительным проведением всех мероприятий по оздоровлению районного руководства.

Виноват районный партийный комитет, позволивший ввести себя в заблуждение руководителями райкома комсомола и не слышавший тех толчков снизу, которые свидетельствовали о накоплении не-

довольства в массах и в основных рабочих коллективах.

В январе 1928 г. бюро райкома ВКП(б) заслушало доклад комсомола о росте организации за второе полугодие 1927 г., т. е. за период, когда классовая линия в регулировании роста была наиболее искривлена, и по-казенному отметило, что «организация ВЛКСМ в основном правильно разрешила вопросы роста». Это при непрерывном ухудшении социального состава организации. Скрепки контроля со стороны партийного руководства тоже были ослаблены.

Наконец, Центральный комитет ни в коем случае не дает освободить от ответственности за имевшие место извращения районную организацию, и в первую голову — комсомольцев основных рабочих коллективов. Они больше всего ответственны за состояние района. Они должны были организовать внизу массовый отпор всем безобразиям и искажениям классовой линии, которые получили распространение в районе. Они должны были прогнать обанкротившихся и оторвавшихся от масс руководителей, своевременно потребовать активного и немедленного вмешательства областкома и Центрального комитета, равно как и всей районной организации. Отдельные попытки в том направлении делались (заявления комсомольцев завода им. Марти в областком). Но довести до конца это дело, организовать сопротивление снизу комсомольская масса Центрально-городского района не сумела. Комсомольцы Центрально-городского района не использовали своих хозяйских прав, точнее не выполнили своих хозяйских обязанностей. Только после опубликования материала в печати и образования комиссии областкома, начала быстро разворачиваться «встречная волна самокритики внизу», и основные

рабочие коллективы крепко взяли в свои руки дело перестройки руководства на новых началах.

Какие же выводы следует сделать из всего сказанного?

Надо повысить сопротивляемость каждой низовой организации и каждого комсомольца в отдельности по отношению ко всем искривлениям и извращениям руководства. Всякая попытка зажима должна встретить немедленный организованный, сокрушительный отпор снизу. Самокритика в комсомоле заключается вовсе не в том, чтобы время от времени руководители сами себя критиковали, и не в том, чтобы они два раза в год на отчетных кампаниях подставляли спину под удары низов, работая бесконтрольно все остальное время. Развернуть самокритику — это значит вовлечь самые широкие массы в развернутое социалистическое строительство, организовать железный контроль снизу, действительный контроль масс над всей работой избираемых ими органов, повысить ответственность руководителей перед массами и ответственность масс за руководство.

Обследование района обрисовало извращенную насквозь бюрократическую систему руководства в обнаженно-отталкивающем виде. Эта система рухнула вместе с ее конкретными носителями, так как держалась на их плечах.

Круговая порука вместо железного контроля снизу, зажим и грубый окрик вместо большевистской самокритики, услужливость начальству вместо революционной дисциплины, организационное комбинаторство, вместо коллективного руководства, втирание очков вместо беспощадного разоблачения собственных недостатков, передоверие организации ставленникам районного начальства, навязанным сверху и потому связанным с райкомом морским

узлом взаимного попустительства вместо товарищеского доверия в работе — таковы характерные черты гнилой системы руководства в районе. Отдельные элементы этой системы, сложившиеся в Центрально-городском районе в законченном виде, имеют место в тех или иных размерах и в других наших организациях. Эти навыки и методы работы нужно изгонять из нашего обихода с такой же беспощадностью и решительностью, с какой мы изгнали бюрократившихся руководителей района.

Задачи, стоящие перед нами в связи с развертыванием самокритики, заключаются не только в том, чтобы вылавливать, изгонять конкретных носителей зла — бюрократившихся и оторвавшихся от масс руководителей, но прежде всего в том, чтобы улучшать и переделывать старую систему работы.

Не случайно, что ростки работы, по-новому пробившиеся в основных пролетарских коллективах Центрально-городского района, были сначала вынесены за ограду официальной комсомольской деятельности — той, что предусмотрена циркуляром, а потом и просто затоптаны старым районным руководством. Система, основанная на инициативе и самостоятельности масс, исключена там, где инициатива масс рассматривается как прямая угроза казенному, бездушному и безынициативному руководству. Перестраиваться по-новому, включиться в растущее снизу движение, бережно развивать каждое новое начинание, организовывать инициативу масс в направлении, указанном VIII съездом комсомола — вот основное требование, которое нужно предъявить каждому руководителю и союзному руководству в целом.

Новая система работы — не головоломная задача, которую не под силу разгадать низовому комсомольцу. Ее не нужно изобретать сверху потому, что

она уже существует и борется за свое существование. Система эта — развернутая инициатива и самодеятельность масс, плюс умелая организация этой инициативы и самодеятельности.

Инициативные группы всех родов оружия (по борьбе с пьянством, по работе в ЖАКТах, по переустройству общежитий и т. д.), бытовые ядра, впервые зародившиеся в Ленинграде, производственные переключки — вот частицы новой системы. Нужно не глушить эти новые начинания, не выносить их за ограду комсомольской работы, а сберегать и поощрять каждое проявление массовой самодеятельности, нужно руководить конкретными делами живых людей.

Тверже и смелее разворачивать самокритику!

Перестраивать систему работы на основе инициативы и добровольчества масс.

Повышать идейный уровень комсомольцев — таковы основные выводы, которые должны сделать Ленинградская организация и весь союз из дела Центрально-городского района.

Разумеется, система извращения, укоренившаяся в Центрально-городском районе при старом руководстве, не характеризует положения Ленинградской организации в целом. Но дело Центрально-городского района является для Ленинградской организации, как и для всего Союза, серьезным предостережением, тревожным сигналом, к которому нужно прислушиваться.

Сейчас в Центрально-городском районе, при активнейшем участии комсомольских масс, в первую очередь, комсомольцев основных рабочих коллективов, и под руководством Ленинградского областного комитета ВЛКСМ происходит ликвидация последних остатков прежнего руководства.

Каждый комсомолец должен спросить себя: «Где

же гарантия против повторения подобных дел?»

Эта гарантия заключается в нас самих: только смелое и решительное развертывание самокритики, только последовательное проведение внутрисоюзной демократии, только развитие самодеятельности, инициативы масс при твердом партийном руководстве гарантирует против повторения таких извращений.

Центральный комитет заявляет, что Ленинградская организация была и является одной из лучших пролетарских организаций нашего Союза, оплотом пролетарского руководства в комсомоле.

Центральный комитет выражает твердую уверенность, что Ленинградская организация — ее пролетарский актив и руководство — успешно разрешит стоящие задачи, подняв мощную волну самокритики, и неизменно будет идти в первых рядах ленинского комсомола.

Центральный комитет ВЛКСМ.

ДЕЛО О БЫТОВОМ РАЗЛОЖЕНИИ.

Началось, как всегда, с мелкого, грязенького и пошленького.

Секретарь ЦГР комсомола (Ленинград) Степан Зима чувствовал себя в районе полным хозяином, феодалом, которому все позволено и все разрешено, перед которым все обязаны молчать, которому все обязаны повиноваться.

Он — власть, авторитет и несокрушимая сила в районе.

Все эти качества делают его неотразимым Дон-Жуаном, дают ему основание подойти к любой комсомолке, не боясь неудачи.

Велик список побед неотразимого секретаря.

Вот он, улыбаясь, подходит к новой комсомолке. Непринужденно болтает с ней о предстоящей конференции. Лыстит ей своим секретарским, простецким обращением. Наполняет ее сердце гордостью потому, что с ней, рядовой комсомолкой, о важнейших делах организации секретарь говорит как с равной. Он, не ослабляя своей атаки, значительно всматривается в ее глаза. Она смущается и, слегка волнуясь, продолжает начатый разговор. Незаметно они выходят на улицу и новая честь — сам секретарь идет провожать ее домой. Все как-то необычно, какое-то смутно-приятное чувство охваты-

вает комсомолку. Она чувствует на себе любопытные взгляды знакомых девчат. С типично-женской тонкостью она улавливает в этих встречных взглядах искорки зависти. И тогда голос ее начинает звучать веселей, по щекам пробегает лукавый румянец, и разговор с секретарем становится менее серьезным, зато веселым и чуть-чуть острым.

Снова встреча, снова волнующее чувство. Секретарь идет на штурм. Он уже клянется в любви с первого взгляда, он уже рисует пламенные красоты совместного будущего, он твердит о свободном чувстве. Она колеблется, минутами туман застилает ее мозг, она готова уступить, затем снова что-то приводит ее в чувство и, наконец, совершенно неожиданно, женское берет верх над рассудком и... комсомолка сдается.

В первые дни комсомолка мучается, страшась чего-то предстоящего и неясного. Секретарь днем, в райкоме, хранит холодное молчание, пугает нарочито подчеркнутым бесстрашием голоса, безразлично отводит глаза в сторону от тайно брошенного, испуганного и зовущего взгляда комсомолки. Вечером, когда они одни, говорит о том, что все нужно держать в тайне, нагло требует ласк и, насытившись, уходит холодным, чужим человеком.

Но вечера пламенных встреч не проходят даром. Женя Бегун беременна. Снова загораются глаза секретаря, но теперь в них огонек уже другой. Огонек беспокойства, смятения и страха. Душа комсомольского Дон-Жуана эгоистическая, уже пресыщенная душа выведена на минуту из равновесия, и мозг лихорадочно ищет выхода.

Затем какой-то «знакомый» секретарю доктор, аборт на четвертом месяце. И только здесь Степан Зима проникается человеческим чувством. Для оплаты аборта и всех связанных с этим расходов он

протягивает Бегун руку помощи и дает 75 руб... в долг.

Долгими месяцами собирает из своего ничтожного заработка Женя Бегун эту сумму и с благодарностью, по частям, возвращает ее рыцарю свободной любви — Степану Зиме.

Различные обстоятельства бросают Женю Бегун в гущу внутривнутрипартийной борьбы. Семнадцатилетняя девушка, увлеченная романтикой подпольной оппозиционной борьбы, увлеченная уговорами близких товарищей и родных, не разбираясь ни в разногласиях, ни в методах борьбы, оказывается активным оппозиционным подпольщиком, содержащим и хранящим у себя дома нелегальную типографию.

Но растет какое-то крепкое, здоровое чувство неудовлетворенности. Прорываются все чаще и громче наружу сомнения. Мысль о сохранении типографии становится все более беспокойной и мучительной. Долгие вечера раздумий, где обрывки осознанных и неосознанных мыслей, доводов и заключений ведут смертельную борьбу, приводят к твердому решению. Женя Бегун звонит в райком и выдает типографию.

Ее прежние друзья — оппозиционеры — поворачиваются к ней спиной. Ее авторитет, родственник, партиец, бросает ей презрительный плевок: «провокатор»...

В отчаянии, вынужденная уйти из дому, поздним вечером, она приходит к Зиме с просьбой дать ей ночлег. Приходит не женщина, ищущая любви, не ревнующая, отвергнутая любовница, приходит заблудившийся, но уже выбивающийся на правильный путь, товарищ по организации, приходит человек, не имеющий ночлега, приходит за простой, человеческой помощью.

Степан Зима, чужой и угрюмый, твердо отвечает:

— Ты будешь мешать мне готовиться к докладу.¹
Уйди!

Просьбы не приводят ни к чему. Степан Зима не может предоставить даже стула в столовой. Он выгоняет Женю Бегун за двери, и отвергнутый человек, имеющий право на поддержку товарища по организации, проводит ночь на улице.

Кое-что из славных походов рыцаря свободной любви, Степана Дон-Жуана, становится известным. Где-то ползут какие-то слухи. Кто-то шопотом возмущается поведением секретаря, кто-то чернит Женю Бегун, кто-то называет Степана Зиму комобывателем.

И секретарь принимает твердое решение. От Жени Бегун нужно избавиться.

Нужно избавиться себя от укоряющего взгляда комсомолки, неприятно действующего. Нужно устранить малейшую возможность огласки, способную подорвать престиж и авторитет секретаря.

В районной конфликтной комиссии комсомола поднимается дело против Жени Бегун. Несколько раз обсуждают КК дело комсомолки, но причин для ее исключения не находят. Дело переходит в бюро коллектива «Пролетария» и с тем же результатом возвращается обратно.

Но Зима жмет, настаивает, намекает, собственноручно составляет мотивировку исключения и, наконец, та же КК постановляет исключить Женю Бегун из комсомола.

— Ты не наша — нам не по пути... — говорит ей КК.

Апелляция, поданная на бюро райкома, дела не меняет. Ее разбирают в отсутствие Бегун и в при-

¹ Буквальная фраза. См. „Комс. Правду“ № 177 (962) от 1 августа 28 г.

сутствии председательствующего Степана Зимы.

Хозяин в своем районе, он быстро и решительно расправляется с негодным ему человеком.

Спокойствие Степана Зимы окупается всего лишь одним комсомольским билетом Жени Бегун.

СЕМЕЙСТВЕННОСТЬ В РАЙОНЕ.

Издевательства над Женей Бегун долго продолжаться все же не могли. Вскоре это дело стало известно «Комсомольской Правде» и фельетоном «Бытовая распущенность и разложение» поставлено на суд всей комсомольской общественности.

Здесь, слово в слово, оправдалась истина, что за бытовым разложением кроется гнойник и в работе. И сразу же, в первые дни начала дела ЦГР история с Женей Бегун, все эти подленькие и гнусенькие мелочи личного характера Степана Зимы отошли на задний план, уступая дорогу вопросам общего положения Центрально-городской районной организации ВЛКСМ, системы ее работы, извращения классовой линии, семейственности в подборе работников и т. д.

Дело не в «бытовой клубничке», как хотелось многим изобразить «дело ЦГР», дело не в истории с Женей Бегун (хотя эта история по-своему характерна, и Зима понес за нее наказание), а дело в тех искривлениях, в той гнилой системе работы организации, которую создали гнилые, разложившиеся люди.

Эта система раньше всего и прежде всего характерна подбором «своих людей».

Таких людей, которые будут работать «в такт» с секретарем райкома, будут исполнительны и преданны, будут всемерно поддерживать секретаря райкома, будут, в случае обострения взаимоотношений

с «непокорными» членами бюро, составлять победоносную армию и подавляющим большинством голосов расправятся с этими «непокорными».

Таких людей, которые не будут критиковать работу секретаря, не будут говорить об извращениях в системе работы, не будут говорить об имеющемся зажиме и отсутствии самокритики, словом, таких «своих людей», которые, вместе взятые, составляли бы основную опору секретаря в районе, являлись бы базой его благополучия, основой и охраной его авторитета.

Мы знаем, что успех всей работы, нами проводимой, зависит от людей, от их подбора. Гнилые люди — значит гнилая работа, какими бы красивыми словами она ни прикрывалась, какими бы революционными фразами она ни сопровождалась.

Как Зима осуществлял этот подбор людей?

В материалах, опубликованных т. Сегалом (руководившим комиссией ЦК по обследованию ЦГР), мы находим следующие характерные данные:

«Технический секретарь агитотдела Володарского райкома комсомола Глыбин — друг и приятель Зимы — спешно переводится в Центральный район, направляется секретарем коллектива облздравотдела и через несколько месяцев становится членом райкома и членом бюро райкома.

Позорно провалившийся на заводе им. Марти, посланный туда против воли комсомольцев и выгнанный ими из коллектива, Суворов назначается заместителем заведующего экономотдела райкома и затем представителем в районе.

Пришедшего, неизвестно почему, из Василеостровского района Меншутина направляют секретарем коллектива «Пролетарий», а сразу же после выговора от партколлегии за неэтичные поступки выдвигают секретарем на крупнейший коллектив

района (это в наказание!), в типографию Володарского. Оттуда его проводят в члены райкома и бюро райкома и затем пытаются послать на фабрику им. Халтурина, но это не удается.

Снятый за пьянки и картежную игру из производсоюза Правоторов, после выговора от партколлегии, берется на районную работу представителем в отдел труда.

Развалившего коллектив управления Сев.-Зап. ж. д. служащего Шацкого райком навязывает в секретари крупнейшего пролетарского коллектива — фабрики Самойловой, — в то время как там есть свои рабочие, вполне подходящие кандидатуры.

Макеева, вынужденного уйти из коллектива Промстройа, после заметки в «Смене» о пьянстве, в свое время посланного райкомом на Промстрой, сейчас же после разоблачения берут на районную работу — инструктором райкома комсомола.

Посланный от райкома секретарем коллектива ЛСПО Смирнов через месяц совершает растрату денег, собранных субботником. Этот же Смирнов являлся внештатным инструктором райкома.

Не имевшая никакого авторитета на своем коллективе (ф-ка им. Самойловой), но зато постоянно обивающая пороги райкома, Никитина выдвигается секретарем коллектива КУЖД, избирается в райком и в бюро райкома. После того, как она работу в коллективе развалила, посылается обратно на производство. И вот этот член бюро райкома через несколько месяцев после райконференции подает заявление о выходе из партии и из комсомола.

Список этот далеко не исчерпывается перечисленными людьми.

Важно уяснить, что все эти люди не были выбраны снизу — все они подбирались по принципу «авторитетности в райкоме», а не в коллективах. Окру-

женный этой группой «своих», передвигая их с одного места на другое, райком просмотрел живых прекрасных людей, растущих на пролетарских коллективах, имеющих законное право на руководство.

60 посланных от райкома секретарей коллективов с 1927 года — таков печальный итог гнилых методов подбора людей.

Вся политика подбора руководящего актива, основанная на незыблемом принципе навязывания сверху, привела к понижению роли и удельного веса основных пролетарских коллективов в районе. Таких коллективов в районе несколько: завод им. Марти, ф-ка им. Халтурина, ф-ка им. Володарского, типография им. Володарского, ф-ка им. Самойловой. Казалось бы, что в этих условиях райком обязан был целиком опереться на эти коллективы. Здесь выковывать новые активные силы, отсюда черпать рабочий актив на руководящую работу.

Однако, свою роль по отношению к этим коллективам райком понимал иначе. Нужно было их «обуздать», но чем? Конечно, посылкой туда секретарей.

Послушайте, что говорят на этих коллективах:

«У нас все время идет чехарда с работниками. От райкома секретарями коллектива у нас были: Козловский, Фадеев, Долгинцев, Пчельников и, наконец, Суворов. Когда мы пытались выдвигать своих, нам говорили: «Куда вы своих выдвигаете, у вас нет своих», а когда мы дрались и настаивали, нас и склочниками и тупоголовыми называли. Ни одного человека наш завод им. Марти не выдвинул на руководящую районную работу». (Собрание актива завода им. Марти.)

«В райкоме в течение 3 лет подбиралась группа ребят «своих», и к ним трудно было приступить. Райком все время боялся пустить к руководству новых, свежих людей. Боялся, как бы они не разо-

блачили его. Райком все время сажал людей к нам. Мы с пеной у рта доказывали, что у нас есть свои люди, но ничего не помогало». (Пленум коллектива фабрики им. Володарского.)

«К нам из коллектива все время навязывают чужих. Зима предлагал нам своих сторонников. Выдвижений с нашего коллектива не было, а мы можем и сейчас десяток людей на районную работу выдвинуть». (Собрание актива фабрики им. Халтурина.¹)

Что характерно во всех этих «выдвижениях»? Характерно не только полное нарушение внутрисоюзной демократии (о чем мы дальше расскажем подробнее), но характерно также и то обстоятельство, что все люди, которых особенно настойчиво посылал райком в коллективы, были люди с «гнильцой», люди, либо разложившиеся, либо совершенно не способные к руководству.

Подбор людей был не деловой. В нем решающую роль играли не умение работать и отношение масс, а мнение и желание Зимы.

Так складывалась прослойка актива, распространявшая в низах организации зимовские методы работы, до тонкостей копировавшая своего «вождя» в смысле зажима и администрирования, распространявшая вокруг себя далеко не приятный аромат казенщины, бюрократизма и подхалимства.

Из этой группы гнилых работников выростала гнилая с и с т е м а работы.

САМОКРИТИКА ПО СТЕПАНУ ЗИМЕ.

Как же Зиме и райкому удавалось сажать любого из «своих людей» отсеками коллективов?

¹ „Комсомольск. Правда“ № 229 от 2 октября 1928 г.

Очень поучительная и характерная история разыгралась в коллективе фабрики им. Халтурина.

Стоял вопрос об избрании нового секретаря, в связи с уходом работавшего ранее т. Сапожникова.

На расширенном заседании бюро коллектива присутствовали партприкрепленный тов. Никитин и агитпроп коллектива партии тов. Приходько.

Зима пытался провести отсекром коллектива Меншутина и давал блестящий урок внутрисоюзной демократии.

Вот сухие и беспристрастные выписки из протокола заседания:

— «Слушали (т. Зима). Бюро райкома удовлетворило заявление Сапожникова о снятии его с работы ответственного секретаря. Кто будет ответственным секретарем? В отношении выдвижения как будто бы своих кандидатур нет. Райком предлагает Меншутину».

Заседание принимает это заявление в штыки. Активисты ф-ки Халтурина имеют своих кандидатов, Меншутин им неизвестен, они хотят работать сами и своих руководителей выбирать самостоятельно. Зима не сдается. Зима «понимает», что внутрисоюзная демократия требует его нажима, он глубоко верит в то, что без его нажима ничего «путного» не выйдет.

Заседание прерывает полемику возгласами.

— «Вы только тогда приходите, когда нужно своего провести, или когда на фабрике волянка! Где раньше были?»

— «Возьмите Меншутину себе!»

— «Кончай, — чего волянить. Большинство за Донцова».

Зима. — Это обыкновенная история. Вы всегда воляните, когда надо проводить секретаря. Не важно,

что Меншутин не знает производства. Важно знать комсомольскую работу. Иметь оргнавыки. Ваши ребята с работой не справятся. Пастак невыдержанная, грамотность иногда мешает практической работе. В райкоме ВКП этот вопрос не обсуждался, сегодня пойду согласовывать. Если не нравится кандидатура Меншутина, можем дать Ряховского».

Когда заседание начинается настаивать на своей кандидатуре, Зима заявляет:

— Ваше собрание сегодня не правомочно решать вопрос о руководящей части бюро коллектива. Ни голосовать, ни писать протокол не имеете права».

На этот раз дело Зимы сорвалось. Коллектив сумел настоять на своей кандидатуре.

Другой, не менее характерный пример представляет из себя дело с выдвижением Суворова.

Суворов, присланный учраспредом обкома ВЛКСМ, работал вначале в качестве зав. частью агитпропа райкома. Работником себя показал плохим, но парнем — «своим». И вот «своего человека» направляют отсекром коллектива на завод им. Марти. Коллектив против. Зима настаивает. Чтобы преодолеть сопротивление, понадобилось созвать бюро коллектива, партядро (!), где предлагали за Суворова голосовать в порядке партдисциплины, затем актив и, наконец, пленум. Дело дошло вплоть до угрозы исключения тех, кто оказывал противодействие Зиме.

В результате Суворов стал работать и на работе провалился. Нетоварищеское отношение, казенщина и бюрократизм, использование своего служебного положения в корыстных целях и т. д. — все это с новой силой поставило вопрос о дальнейшей работе Суворова.

На районной конференции актив и делегация за-

вода им. Марти категорически отказались выдвинуть кандидатуру *своего отсека* (!) в состав райкома. Завод Марти получил поддержку со стороны коллектива Халтуринской фабрики, о котором мы перед этим рассказывали.

Но теперь Зима ведет наступление уже не один, а вместе с представителями райкома партии. Суворова протаскивают, но для этого приходится собирать 5 (пять!) заседаний делегации.

Так осуществлялся этот курс на «своих людей».

Можно ли считать после этого, что в системе работы райкома была самокритика, внутрисоюзная демократия и т. п.?

Так может считать только шутник.

Ведь Зиме просто *невыгодна* была самокритика! Ведь самокритика для него означала бы разоблачение всех махинаций с подбором людей, всех малых и больших «штучек», творившихся в районе. Короче говоря, она была ему смертельно опасна!

И поэтому, наряду с только что рассказанным грубым администраторским нарушением принципов внутри-союзной демократии, в районе царил достойная всеобщего внимания теория Зимы:

— «Самокритика у нас четырех видов: *вшивая, убийственная, склочная и деловая*».

Поэтому в районе вопросам самокритики не только не было уделено соответственного внимания, но и, наоборот, делалось все для того, чтобы эту самокритику разложить по полочкам, «по видам», ослабить ее действие и, в конечном счете, свести на нет.

Когда на заводе Марти выступил с докладом зав. Эконом. отделом райкома Суходрев, некоторые комсомольцы пытались критиковать работу райкома. Суходрев, следуя негласно сложившейся линии райкома, берет в штыки критикующих и резко заявляет:

— «Таких, как Гольдин (один из выступавших), гнать надо из союза грязной метлой».¹

Вот какую оценку самокритики находим мы в «Смене»:

— «В сводке (о прошедших перевыборах бюро коллективов) состояние перевыборов по району рисуется так — на Шипке все спокойно. В итоговом обзоре вы можете найти точный цифровой подсчет, сколько вопросов в среднем было задано докладчику на собрании, сколько (опять таки с точностью до минуты) говорил докладчик и не зажилил ли он положенное ему по инструкции райкома время, сколько в среднем, минимум, выступало в прениях товарищей».

Но опять тщетно вы будете искать в этом обзоре глубокого анализа уроков перевыборной кампании, искажения и признания ошибок, допущенных райкомом при перевыборах, и указаний на дальнейшее время.

Вопросу о том, как развевывалась самокритика во время перевыборов, какие были извращения в проведении ее, где вина слабого развития самокритик, обзор не находит совсем места. Изредка лишь можно встретить рассыпанные кое-где указания о самокритике вроде таких: «Доклад на коллективе уполномоченных НКП был живой, построенный на хорошей самокритике и диаграммах» или «обсуждение предложений шло преимущественно по пунктам».

А в итоговой сводке перевыборов коллективов по советской группе о самокритике сказано просто и ясно: «Положительными элементами обследовательских комиссий надо считать устранение голословности в критике работы».

¹ «Смена», № 181, 1928 г.

Так выглядела самокритика в Центрально-городском районе. С одной стороны, ее всячески регламентировали; не дав ей развиться, уже боролись с голословностью; требовали всюду и везде какой-то особой «хорошей» самокритики, а с другой стороны, — настоящую, беспощадную самокритику объявляли вшивой, убийственной и склочной; тех, кто критиковал — грубо, по-начальнически одергивали; творили свои дела, не считаясь с требованиями масс, не слушая ее голоса, отменяя от себя все ее критические замечания.

СВЯЗЬ С МАССАМИ.

Такая система работы исключала связь руководства с широкими массами рабочей молодежи.

Система, основанная на бумажном руководстве, на интриганстве и склочничестве, на зажиме и отсутствии самокритики, на казенных и сухих методах работы, на кабинетных и заседательских измышлениях — такая система неизбежно должна была создать стену отчужденности между руководством и массами.

Райком по существу *не знал*, каковы настроения масс рабочей молодежи района, каковы ее запросы, каковы ее сегодняшние нужды. Работа для бумаги и пафосных отчетов, назначенческие комбинации с целью удержать за собой власть, отсутствие вдумчивой, идейной и самоотверженной работы на пользу Союза — вот контуры руководящей работы райкома.

В тех же данных Сегала мы находим типичные и характерные факты, подтверждающие наличие полной отчужденности, полного разрыва между руководством и массами:

«Вот спросите нас, что мы знаем о работе рай-

кома — ничего. А почему? Потому, что райком оторван от рабочей массы. Представителей райкома мы видим только *на перевыборах, скандалах и торжествах*». (Карпов, завод им. Марти.)

«Кто видел в цехе когда-нибудь работника райкома? Оторвались они от масс, считали своим долгом сидеть в кабинетах. Они были когда-то хорошими работниками, а сейчас разложились, потому что оторвались от нас, не живут с нами одной жизнью». (Цесис, завод им. Марти.)

«Комсомольцы и в глаза не знают работников райкома. Они у нас не бывают». (Ф-ка им. Володарского.)

Так говорили на всех коллективах.

В апреле очень волновало фабрику им. Халтурина введение нового тарифного справочника. Участниками волынки были комсомольцы и даже некоторые активисты. И разве не чудовищной (да, именно чудовищной) близорукостью было то, что райком не сделал из этих осложнений никаких выводов, не извлек никаких уроков для организаций?

А ведь тысячный комсомольский коллектив фабрики им. Халтурина является единственным в районе.

Райком просмотрел такие события в районе, как переход фабрики им. Володарского на 7-часовой рабочий день и на три смены. Буквально просмотрел. Ни один представитель райкома не пришел на фабрику во время перехода, никаких указаний коллективу фабрики райком не дал.

Колдоговорная кампания прошла самотеком, результаты ее не изучены. Но зато райком занимался другими делами. Так, например, горячо обсуждался однажды вопрос об организации общества старых комсомольцев. Поручили даже проект кому-то составить.

Так назревал нарыв в Центрально-городском рай-

оне, так обособлялось ходом вещей руководство, так теряло оно повседневную связь с массами рабочей молодежи.

Все «проблемы», все дела райкома по существу сводились к «высокой склочной политике», где Зима давал всякому несогласному уроки хорошего тона, заставлял «лаять в такт» (его любимое и популярное выражение), благоволил к подхалимам и Молчалиным с комсомольскими билетами в карманах.

Мудрено ли, что райком так и не увидел, куда поплыл комсомольский корабль ЦГР и куда он приплыл.

ИЗВРАЩЕНИЯ ЛИНИИ РОСТА.

Читатель вправе спросить:

— Если самокритику изживали, людей подбирали по-семейному, то не изменила ли вследствие этого своего классового лица линия райкома?

Читатель, задавший такой вопрос, будет всецело прав.

Если работа под контролем масс заменена круговой порукой, если рост и выдвижение нового рабочего актива заменен организационными комбинациями со «своими людьми», если краеугольным камнем системы работы становится зажим, бюрократизм и казенщина — неизбежно должны ослабеть обручи классовой выдержанности, идейной убежденности и непримиримости.

Неизбежно потому, что комобывательщина в таких условиях берет верх, становится стилем работы и «гребцы гребут, не зная куда».

Стремясь уйти от критики масс, стремясь оттеснить на задний план всякого, кто мог противопоставить гнилой линии райкома свою правильную, большевистскую линию, райком держал на отшибе крупнейшие пролетарские коллективы района.

Там, где ему удалось (тип. им. Володарского, а также з-д им. Марти во времена «суворовщины»), райком сажал «своих людей», которые покрывали и защищали гнилую линию райкома, целиком и безраздельно. Там он обезвреживал коллективы властной рукой посаженных «наместников».

Там, где ему не удалось (ф-ка им. Халтурина и, в дальнейшем, зав. им. Марти) — райком держал свои гаубицы всегда наготове, давал отпор всякой критике, обвинял любого, недовольного линией райкома в склоке, бился, что есть сил, за признание своих ставленников и, в случае неудачи, крепко и твердо держался линии отдаления этих коллективов от руководства.

В результате такой системы зажима часть пролетарских коллективов была приведена в состояние покорности, а другая часть — изолирована.

Райком опирался на сов. коллективы, опирался на «прочих», не позволяя и не допуская такого положения, чтобы числящиеся на его счету, как склочные, пролетарские коллективы играли сколько-нибудь заметную роль в районе.

Что же получилось в результате?

Ведь как будто бы руководители ЦГР оттирали пролетарские коллективы от руководства не для того, чтобы извратить классовую линию, а для того, чтобы избавиться от критики, чтобы оттереть на задний план всех недовольных?

Ведь как будто бы никаких прямо мелко-буржуазных лозунгов район не выдвигал и никому никогда не говорил о том, чтобы рабочих в союз не принимать, чтобы рабочих-комсомольцев на задний план оттеснять и т. д.?

На первый взгляд это «как будто» так.

Но на практике это привело к очень недвусмысленному положению.

Ослабло внимание к пролетарским коллективам по соображениям интриганского порядка, но зато и ослаб рост организации за счет рабочей молодежи, *извратилась классовая линия этого роста.*

Что мы видим в отношении состава организации? Раньше всего нужно сказать, что особенности ЦГ района, благодаря преобладанию в этом районе совучреждений и учебных заведений над ф.-з. предприятиями, таковы, что они усложняли вопросы роста и требовали самой четкой и ясной классовой линии.

В результате мы видим, что организация росла, главным образом, за счет «прочих».

И что самое главное — не только в абсолютных величинах, но и в *относительных.*

Некоторые товарищи могли бы сказать, что раз в районе преобладает служащая молодежь, то неизбежен такой момент, когда рабочая часть района войдет в союз целиком, и дальнейший рост пойдет, естественно, только за счет служащей молодежи.

Оставим на совести таких товарищей правильность перспективы такого роста и посмотрим, какие данные характеризуют линию роста ЦГР и в чем эта линия выражалась.

Берем данные об охвате молодежи.

Мы видим (см. отчет райкома), что процент охвата рабочей молодежи равняется 57,9, т. е. такой же, как и *процент охвата служащей молодежи — 57,8.*

Значит в тот момент, когда почти половина всей рабочей молодежи, находящейся в ЦГР, была за бортом союза, *служащая молодежь была вовлечена в союз в одинаковой мере с рабочей молодежью* несмотря на линию, проводимую союзом по 100% вовлечению *рабочей молодежи.*

В то время как средний (а значит в отдельных учреждениях он был еще больше) процент по совет-

ской группе достигал 57, в отдельных ф.-зав. предприятиях он спускался до 45 (у коммунальников) и даже до 15,2 (в картонажном производстве).

Как же росла организация за последний год, в абсолютных и относительных величинах?

В данных т. Сегала (руководившего обследованием ЦГР) мы находим:

— «Всего рассмотрено (за 1927 г.) заявлений о приеме 2 936 ч. (100 проц.), из них: а) отклонено — 223 ч. (7 проц.), б) переведено из кандидатов в члены — 1 026 ч. (35 проц.), в) принято в кандидаты — 941 ч. (33 проц.)».

Раз приняты в кандидаты и переведены из кандидатов в члены, так это значит, что речь идет не о *рабочих*, так как последние принимаются прямо в члены союза.

В *члены*, т. е. рабочих, принято 25 процентов. Всего лишь четвертая часть из числа подавших заявления.

В тех же данных мы находим исчерпывающую справку о росте союза:

— «Темп роста за счет служащей и учащейся молодежи в полтора раза обгонял рост за счет *рабочей молодежи* (принято за весь год 54 проц. «прочих» при 42 проц. рабочих). И это при условии, когда рабочая молодежь охвачена в районе комсомолом на 57, а служащая молодежь на 56 проц. Если присовокупить сюда непрерывный прием «прочих» (а таких принято за 1-ое полугодие 1928 г. 17,6 проц.), то бесшабашная политика регулирования роста со стороны райкома встанет во всем своем неприглядном виде» (курсив наш).

Со всей неизбежностью такое положение в районе привело также и к ослаблению пролетарского влияния в руководящих звеньях организации.

Кампания по перевыборам бюро коллективов, в

тот самый период, когда райком давал уроки внутри-союзной демократии э-ду Марти и халтуринским комсомольцам, привела к сокращению рабочего процента в новых составах бюро коллективов на 10 и увеличению служащих на 12 процентов. Одновременно с этим состав рабочих-секретарей в фаб.-зав. коллективах тоже снизился на 9,5 процентов. В замену убывшим пришли секретари из «прочих».

Так оттирание крупнейших пролетарских коллективов от руководства, поиски опоры в сов. коллективах, извращенная система руководства привели к извращению классовой линии работы организации, привели к такому положению, когда район плыл «без руля и без ветрил».

МОЛЧАЛИВОЕ ПАРТРУКОВОДСТВО.

— Как же так, — воскликнет, недоумевая, читатель, — в районе творились бытовые безобразия, извращалась классовая линия роста, царил семейственность в подборе людей, заглушалась самокритика и процветало казенное благополучие, а что же смотрела организация, руководящая комсомолом — парторганизация?

Ведь был же, очевидно, в райкоме прикрепленный от партии? Были, очевидно, и во всех коллективах партприкрепленные? Наконец, отчеты бюро коллективов и комсомольского райкома не раз, вероятно, заслушивались в парторганизациях?

Ты прав, читатель.

Был прикрепленный и в райкоме, и в каждом коллективе. Парторганизация заслушивала доклады и райкома, и бюро коллективов.

В чем же дело? А дело в том, что партруководство в ЦГР было недостаточное. Не живое и действенное, а бумажное, казенное руководство «на расстоянии».

Немудрено после этого, если все дело ЦГР для партийной организации оказалось неожиданным.

Как же осуществлялось это партруководство? Начнем с «верхушек».

«Комсомольская Правда» в № 184 (август 1928 г.) сообщает, что:

— *«Тов. Быстрянский, партприкрепленный к бюро райкома комсомола от райкома партии, был на заседаниях бюро за последние полгода... только один раз. Работа районного комитета обсуждалась райкомом партии после районной конференции комсомола, после того, как на конференции были приняты резолюции и постановления, производились выборы и проч.»*

А как в коллективах? В тех самых коллективах, где пьяница Макеев сидел отсеком, вопреки желанию комсомольцев, где отсекар Шацкий превращал свой коллектив в «дохлый коллектив», где орудовали Суворовы и Проваторовы?

Вот что сообщает по этому поводу «Смена» от 5 августа 1928 г.:

— «Если про весь союз можно сказать, что партруководство союзом чрезвычайно слабо и недостаточно, то про состояние партруководства в Центрально-городском районе можно сказать, что оно почти отсутствовало. Директор Промстроя — старый партиец тов. Максимов, в свое время настаивавший на том, чтобы Макеев был направлен на производство для исправления, прямо говорит, что секретарь коллектива ВКП(б) решил это дело по семейному и имел привычку «укрывать под своим крылышком всех угнетенных».

Вот перед нами лежит толстая тетрадь в 30 страниц итогов перевыборов в бюро коллективов по району. Послушаем, что говорят беспристрастные записи по этому поводу:

Коллектив Табреста: — У партприкрепленного нет связи с массами. Многие комсомольцы не знают даже партприкрепленного в лицо.

Коллектив Губжозара: — Плохо обстоит дело с партприкрепленными. Партприкрепленные отсутствуют на бюро по 2 месяца.

А одна из цехячеек фабрики им. Халтурина вынесла такое постановление: — *Просить бюро цехячейки ВКП(б) выделить толкового партприкрепленного.*

Общие итоги перевыборов бюро коллективов и цехячеек, как это свидетельствует упомянутая тетрадка на 30 страницах, показали по всем коллективам *снижение процента партийного и рабочего ядра из числа ребят, вновь выбранных в наши руководящие низовые органы.*

В свое время «Смена» опубликовала ряд фактов («Чиновники из Центр.-городского и Володарского районов», «Повесть о дохлом коллективе» и т. д.), где указывались вопиющие случаи бюрократического руководства районного комитета. Ни один комсомолец так и не узнал, что сделали райком ВКП(б) и обком ВЛКСМ для устранения тех недочетов в работе райкома, которые тогда частично были освещены в «Смене».

Не может быть, чтобы райком партии не знал о системе выдвижения и подбора людей, которые проводил тов. Зима, секретарь райкома ВЛКСМ и член партии. Ведь об этом, опять-таки, в свое время, правда, на одном конкретном факте (с делом Макеева) «Смена» уже останавливалась. Может быть, если бы наши партрайкомы и обком комсомола тогда, хотя бы даже на основе частичных фактов, вскрытых газетой, более внимательно, не по-казенному, не по-бумажному подошли бы к состоянию дел в районе, не пришлось бы райкому переживать

неприятные сегодняшние минуты, когда ненормальности, семейственность и казенщина, свившие себе гнездо в райкоме, поставлены на суд всей комсомольской общественности.

Нет нужды подробно пояснять, в какой степени такое состояние партруководства способствовало развитию всех нездоровых явлений, о которых мы говорили раньше.

Достаточно напомнить, как, отстаивая свою кандидатуру отсекра на заводе Марти, Зима заявлял протестовавшим комсомольцам: — «Если не хочешь проводить того, кого выставляет райком, значит ты против партии».

Руководители райкома комсомола пользовались слабостью партруководства в интересах своей гнилой системы рабты. Они прикрывались этим партруководством, командовали от его имени, склоняли и спрягали его по коллективам так, как им это было выгодно.

Из всего состояния партруководства на местах и в районном центре, с неизбежной логической последовательностью, *вырастал разрыв* между партийной и комсомольской организациями, разрыв, прикрытый лишь сверху казенными, бумажными подобиями «связи».

И в то время, как извращалась классовая политика роста организации, когда за прошедшие полгода было принято всего лишь 43 процента рабочих, при 57 процентах «прочих», райком партии, заслушивая доклад райкома комсомола, постановлял:

— «Районная организация ВЛКСМ в основном правильно разрешила вопросы роста. Рост районной организации ВЛКСМ шел преимущественно за счет рабочей молодежи».

Не имея подлинной, органической связи с комсомолом, внимательно и чутко не приглядываясь к его

болезням и нуждам, имея только дело с бумажными отчетами райкома комсомола (о ценности коих мы скажем дальше), естественно, райком партии не смог принять иного решения.

Отдельные партийцы, связанные формально с комсомолом, даже после того, как «дело ЦГР» стало уже популярным, не сумели равным образом понять и политического значения всех болезненных явлений, имевших место в ЦГР.

Представитель райкома ВКП(б) т. Брунин, выступая на собрании актива ЦГР, состоявшемся вскоре после опубликования первых материалов в «Комс. Правде» и «Смене», заявил следующее:

— «Что у нас получилось? У нас получилась такая картина, что в общем и целом, имея совершенно здоровую районную комсомольскую организацию, имея здоровый состав районного комитета, у нас среди руководящих работников райкома комсомола, среди отдельных работников имелась некоторая недоговоренность в некоторых вопросах».

Это, поистине, шедевр, а не формулировка! Только люди, никогда всерьез и по-настоящему не следившие за жизнью и работой организации, не знавшие ее болезненных явлений, не понявшие всего политического значения того извращения, которое в линии и системе работы получилось, могли во всем деле ЦГР увидеть либо склоку, либо «некоторую недоговоренность».

Эта классическая формулировка, произнесенная в разгар дела ЦГР, является красноречивым и ярким свидетельством того, как партруководство в Центрально-городской райорганизации ВЛКСМ было заменено бумажными отчетами, казенными докладами для формы и для вида.

НА БУМАГЕ ГУСТО, А НА ДЕЛЕ ПУСТО.

Мы убедились в достаточной мере в картине полного извращения системы комсомольской работы ЦГР.

Руководители района привыкли работать на заседаниях, привыкли положение организации видеть только в бумажках, в протоколах и отчетах. Они привыкли работать таким образом, чтобы контроль масс над ними отсутствовал, чтобы неугодные им люди в районе не существовали, чтобы все «лаяли в такт» секретарю райкома Степану Зиме.

На фактах, далеко еще неполных, мы со всей очевидностью убеждаемся в том, как гнилые люди, руководившие ЦГР, создали гнилую систему в работе и как, в свою очередь, эта гнилая система разлагала дальнейшие звенья организации, портила все более широкий круг людей, работавших в организации.

Таковы были «дела» Центрально-городской районной организации ВЛКСМ.

Но как и всякий разложившийся комитет, как и всякая руководящая группа, оторвавшаяся от масс, погрязшая в тине бюрократизма и казенщины, гниющая в условиях внутрикомитетской интриги, подсиживаний и склоки — руководящая группа ЦГР и, в первую очередь, Степан Зима умели пускать пыль в глаза, умели затушевывать положение, подтасовывать факты и рисовать картины казенного благополучия.

К VIII районной конференции райком издал отчет ЦГ Райкома за прошедший год работы. Если сопоставить все данные проходивших обследований ЦГР по «делу Зимы», наконец, само фактическое положение района, с одной стороны, и, с другой стороны, этот отчет, то получатся два полюса, две величины, ни в коей мере не соответствующие и, наоборот, в полной мере *противоречащие* друг другу.

Из предыдущего материала во всей неопровержимой очевидности встает во весь свой рост картина семейственности, заглушения самокритики, зажима и извращения классовой линии в организации.

И, наоборот, в этом отчете «на Шипке все спокойно», работа района изображена как целый ряд достижений, политическая линия как целиком и полностью правильная, практическая работа как изобилующая новыми достижениями, увлекательными формами работы и общее состояние района как в высшей степени благополучное.

Если из данных обследования и самого фактического положения мы убедились в том, что в отношении роста организации было налицо извращение классовой линии, что район в этом отношении «плыл по воле волн», что рост союза за счет служащей и учащейся молодежи был более интенсивен, чем рост за счет рабочей молодежи, то отчет райкома пытается убедить всех в обратном.

В то время, как по цифрам самого же райкома изменения в составе организации за время с декабря 26 г. по 28 г. выразились в снижении рабочего процента и увеличении процента «прочих», — райком пишет:

— «Рост организации шел преимущественно за счет рабочей молодежи».

— «Районная организация правильно разрешила вопросы роста».

В то время как большинство фактов свидетельствуют о разрыве между руководством и массами рабочей молодежи, об отсутствии комсомольского влияния по целому ряду участков, райком, в порыве ведомственного восторга, пишет:

— «Прошедший период дал несомненно большое оживление общественной работы союза, тем самым увеличивая влияние КСМ на беспартийную молодежь

и увеличивая удельный вес райорганизации в районе».

— «Не только в рабочих, но и в советских коллективах поставленные перед ячейками задачи в значительной части выполнены по пути еще более близких связей комсомола с широкими массами беспартийной молодежи, укрепления влияния союза на беспартийную молодежь и вовлечения лучшей части в организацию».

В то время, как факты говорят о том, что райком приезжал в коллектив только тогда, когда там волынка или когда там нужно своего кандидата протасовать, когда факты показывают, что дело ЦГР — это типичнейшее дело, в частности о казенном, бумажном руководстве, — райком пишет:

— «Основная установка — живое, а не циркулярное руководство коллективами со стороны РК, проводилось со всей полнотой на деле».

В то время, как гибли живые начинания в районе, душилась инициатива, царил и правил циркуляр, райкомовские чиновники, не прекращая своего вдохновения, писали, что:

— «Поставленный перед ячейками целый ряд задач в общем усвоен не только ячейковым комсомольским активом, но и массой членов союза, *выразившись в объединении широких масс членов союза на конкретной, интересующей их работе, на основе добровольного объединения и поощрения, организации добровольных бытовых групп, ядер и цехвечеров*». (Курсив наш.)

В то время, как партруководство хромало на обе ноги, подменялось либо мелочным опекуном, либо полным невниманием парторганов к комсомолу, райком пишет:

— «Прошедший год еще больше приблизил комсомольскую организацию к партии. Внимание самих

партийных организаций к комсомолу значительно увеличилось».

Немудрено после этого, что общая оценка работы райкома и организации в этом отчете звучит как жалкое фанфаронство, как бред самовлюбленного бюрократа, как гимн и дифирамбы своему собственному сомнительному достоинству.

— «Изложенные выше завоевания, — клянется райком, — являются лучшим ответом паникерам, а также оставшимся и стоящим по ту сторону союза, боящимся итти в дальнее плавание, что на фронте районной организации политико-моральное состояние армии комсомольцев настолько удовлетворительно, что она вполне способна итти в бой и принять вооружение и боезапас на районной конференции и бить по недостаткам в работе, пустив под огонь самокритики жизнь и работу союза».

Так рисовали положение в районе самовлюбленные, оторвавшиеся от массы, разлагавшиеся руководители. Так родился этот классический образчик комсо-чиновнической словесности, образчик гимна казенному благополучию.

ВСТРЕЧНЫЕ ВОЛНЫ САМОКРИТИКИ.

Как мы указывали уже вначале, дело ЦГР началось с мелкого и грязного — с дела Зимы и Жени Бегун.

Но это было только начало. Некоторые товарищи пытались все это дело свести только к «бытовой клубничке». Изобразить дело таким образом, что в районе и райкоме все в порядке, что система работы верна и здорова, что никаких нарывов нет, и что, наконец, не стоит из-за каких-то пустяков, из-за какой-то девчонки поднимать шум и гам.

Конечно, ничего хорошего и правильного в таких

настроениях и попытках не было. Такие настроения по существу означали желание замазать дело о ЦГР, загнать гнойник во внутрь и, укрывшись покрывалом «казенного благополучия», сказать, что на «Шипке все спокойно».

На этот раз «казенное благополучие» не помогло.

Дело Степана Зимы оказалось только одним из звеньев той ржавой цепи, которую комсомольская печать решительно извлекла из бюрократических недр райкома и показала всей комсомольской общественности.

История с Женей Бегун оказалась лишь характерным эпизодом и только, а вся соль дела Зимы выявилась не как «бытовая клубничка», а как гнойный процесс насквозь больной и нездоровой системы работы и системы руководства.

Читателям известно, что дело ЦГР началось с разоблачительных фельетонов «Комсомольской Правды», а затем и «Смены».

Дело ЦГР явилось таким образом результатом самокритики сверху, результатом критики работы райкома со стороны газет.

Но с первых же дней разоблачительной газетной кампании стала расти и крепнуть глухая ярость комсомольских масс района.

Но прелести системы зажима чувствовались даже и тогда, когда судьба райкома фактически была уже предрешена, когда, казалось бы, не было уже оснований бояться открыто критиковать.

Вероятно слишком уж хорошо жилось при райкоме, возглавлявшемся Степаном Зимой, если после его снятия страх и трепет перед начальническим взором секретаря не сразу исчез у многих боязливых комсомольцев района.

Мы имеем в виду в высшей степени характерную форму самокритики — форму анонимных писем, с

помощью которых вскрывались один за другим факты извращенного руководства.

Анонимные письма поступали в обком и в «Смену». Сейчас не так важно их содержание, как важен сам факт их посылки, факт характерный и типичный для дела ЦГР, для дела развертывания творческой самокритики снизу.

Что же несли на своих гребнях встречные волны самокритики, поднимавшиеся снизу, из глубин комсомольских масс в районе?

Прежде всего о людях, руководивших массами.

Из коллектива Текстильторга сообщают («Смена» № 192), что:

— «Волей обстоятельств коллектив «Текстильторга» оказался без отсека. Районный комитет, поставленный об этом в известность, уверенно заявил коллективу ВЛКСМ: «Мы вам пришлем парня, на редкость выдержанного и активного. Работу поставит на ять».

20 мая в коллектив явился Александровский и представился: «Новый отсекр коллектива ВЛКСМ».

Зав. орготделом РК Ряховский дал Александровскому самую лучшую аттестацию. В результате оказалось, что Александровский работал в Петроградском районе, совершил растрату комсомольских взносов и его партбилет находится в КК Петроградского района».

Начавшееся дело ЦГР открыло шлюзы самокритики снизу. На комсомольских собраниях выступают и критикуют ставленников райкома. В коллективе тип. Володарского, где работал отсеком Меншутин, известный читателю уже по предыдущим главам, говорят следующее:

— «Тов. Гутман. Если посмотреть, как у нас была поставлена связь с райкомом, то картина получается невеселая. Коллектив связь эту крепил только через

секретаря Меншутина. Остальные члены бюро райкома считали ниже своего достоинства бывать в коллективе, в ячейке.

У нас в коллективе нехорошая привычка искажать самокритику. Когда был раскрыт гнойник головки райкома, когда был задет и наш коллектив, я первый заговорил об имеющихся недостатках. И что же — ко мне пришли ярлык «склочника», «новоспеченного самокритика».

Тов. Петров. Недаром ребята составили острую поговорку: «райком руководит у нас работой, когда нас нет на работе». Приезжают прикрепленные к коллективу только тогда, когда нужно протащить «повыше» какого-нибудь работника.

Тов. Мещанинов. Меншутин выдвигал тех ребят, с которыми он работал, которые ему нравились. Насчет этого я с ним ругался давно. Меня за это считали организатором группировок, склочником. Райком плохо смотрел и контролировал работу секретарей коллективов. Еще хуже проводилось выдвижение ребят от станка.

Райком стремился выдвигать тех, которые были поближе к нему, ребят из аппарата («Смена», № 203).

Ряд комсомольских коллективов в срочном порядке обсуждал на пленарных собраниях актива вопросы, связанные с делом ЦГР.

Комсомольцы зав. им. Марти сообщили следующее:

— «Тов. Симановский отметил, что члены райкома не имели представления о работе бюро: они формально голосовали на пленуме РК за готовые резолюции, предложенные бюро, ничем практически не помогая работе коллектива.

Тов. Цессис. В бюро РК существовали две группы: сторонники Зимы и группа Юрисова (агитпроп РК). Эти две группы систематически травили друг друга.

Тов. Мартиновский. В истории Ленинградского комсомола выдвижение Зимы не имеет примера: он безграмотный человек, он не мог руководить работой района. К теперешнему составу РК нужно подходить с той точки зрения, что часть людей никуда не годится. Например, член РК т. Сергеев. Ведь это же блестящий представитель той категории людей, которые еще имеются в комсомоле и которые называются трепачами.

Тов. Баркан рассказал, как райком, помимо воли комсомольцев зав. Марти, присылал им людей на пост организатора (отсека) коллектива. На замечание о том, что в коллективе завода Марти есть свои люди для этой работы, Зима отвечал:

— Никаких разговоров — пришлем вам человека.

В ответ на предложение группы работников района, в частности т. Баркана уйти с работы секретаря, так как из-за него хромает весь район, Зима ответил:

— Что, группировки создавать?!

По ряду коллективов комсомольцы принимали резолюции с требованиями созвать чрезвычайную конференцию ЦГР.

Поднимались медленно, но верно, массы рядовых комсомольцев против бюрократизма и казенщины в райкоме, против зажима и круговой поруки, против семейственности в подборе работников, против «казенного благополучия», против спячки и застоя в практической работе, против бытового разложения.

Росли требования комсомольцев к газетам, в частности, к «Смене», требования, сводившиеся к тому, чтобы усилить обстрел недостатков работы райкома, беспощаднее и решительнее вскрывать язвы больной системы руководства.

Комсомольцы фабрики Халтурина прямо ставили вопрос о том, что «Смена» ведет себя в деле ЦГР

нерешительно, боится резко ставить все связанные с делом ЦГР вопросы, что редактор «Смены» тов. Слепнев на собрании халтуринских комсомольцев в ответ на все эти обвинения назвал их склочниками.

На том же заводе Марти раздавались также обвинения по адресу «Смены» в том, что она в свое время замалчивала целый ряд фактов, касающихся ЦГР, не печатала заметок, присылаемых комсомольцами, в частности, не поместила заметки т. Ревзюка о злополучном Суворове, которого Зима навязал комсомольцам зав. Марти в качестве отсека и т. д.

Таким образом, в деле ЦГР мы видели пример того, как пробивалась сквозь проволочные заграждения бюрократизма самокритика снизу, как предьявляла она свои права на жизнь.

Была ли достаточной и широко развернутой самокритика снизу в деле ЦГР?

Как были встречены первые гребни волн низовой самокритики, спешившей навстречу комсомольским газетам, неустанно громившим гнилой райком?

Достаточно и широко развернутой самокритика снизу в деле ЦГР не была.

Недостатки работы райкома обсуждались преимущественно на пленумах актива. Средний и низовой актив были втянуты в это дело целиком, но рядовые комсомольцы сказали о деле ЦГР очень и очень мало.

Система всей нашей работы сказалась на примере дела ЦГР как нельзя ярко. Обеспечить развертывание самокритики снизу не смогли. Снять кордоны, разрушить изгороди, выбросить всякие полочки и рамочки, придуманные для самокритики прежним руководством, по-настоящему не сумели, и в результате участие широких масс в деле ЦГР проявилось в совершенно незначительной мере.

Больше того, были факты обратного порядка, когда система начальнического окрика, всяческих рамок и палочек для самокритики *приводилась в движение*, стопорила ход самокритики снизу, объективно задерживала ее развитие и по существу вступала эту низовую самокритику в штыки.

Газета «Смена» совершила в этом смысле *ряд ошибок*, несмотря на то, что в общем и целом она в достаточной мере энергично разоблачала гнилую систему работы райкома.

Поведение ее представителя на Халтуринской фабрике, отсутствие поддержки халтуринским комсомольцам тогда когда это нужно было, тогда когда только начиналась самокритика снизу, выпад против тех же комсомольцев, в передовой статье, в № 200 от 29 августа — все это закономерным и естественным порядком сдерживало встречные волны самокритики, поднимавшиеся снизу.

«Смена» не учла конкретного положения в Центральном районе и в *результате поднимающуюся снизу* (грубую, быть может, без белых перчаток на руках, может быть в известных моментах и крикливую) *волну самокритики встретила в штыки*.

Пример с ошибками «Смены» в высшей степени характерен и показателен в одном отношении: *зная очень многое в тех новых методах работы, которые мы сейчас пропагандируем, с пеной у рта защищая эти методы, мы, сами подчас того не замечая, может скатываться к самому грубому попранию этих новых методов. Старое задерживает рост нового. «Мертвый хватает живого».*

Со всей большевистской прямоотой и непримиримостью ошибки «Смены» должны быть учтены и усвоены.

Встречные волны самокритики принесли много важнейших данных, характеризующих дело ЦГР.

Но самокритика снизу еще далеко не стала системой работы ЦГР в дальнейшем.

Период обстрела гнилого райкома со всей категоричностью сигнализирует всем и каждому:

— В деле ЦГР широкие массы активного участия не приняли. Система, способствующая развертыванию критики со стороны этих масс, еще не создавалась. Сильнее и смелее нужно снимать кордоны, разрушать полочки и рамочки для самокритики, стоящие на пути ее волн, идущих снизу.

О ЧЕМ ГОВОРIT ДЕЛО ЦГР.

Дело Степана Зимы стало делом о руководстве Центрального городского района комсомола. Став делом руководства крупной районной организации нашего Союза, оно приобрело общесоюзное значение, и выводы и уроки этого дела должны явиться предметом серьезнейшего внимания всего комсомола, а в особенности — его актива.

Уместен один вопрос: не является ли дело Зимы просто делом о разложившемся человеке, случайно очутившемся во главе руководства районной организации комсомола и разложившем все это руководство? Следует ли поэтому поднимать такой шум — мало ли, ну, пролез негодяй, выгнали его и его присных — и делу конец.

Этот вопрос уместен потому, что именно так, к сожалению, многие товарищи смотрят на все дело ЦГР. И поэтому необходимо вытащить на свет и глубоко разобраться во всех тех корешках, из которых выросло дело Степана Зимы, дело ЦГР.

Это дело мы выше развернули во всей его неприглядной красоте. Бытовое разложение коммуниста, семейственный подбор «своих» работников, потеря

классовой линии в работе и политике роста организации, удушение демократии и самокритики — вот яркие цветы этого букета.

Фельетон в «Комсомольской Правде» от 1 августа 1928 г., который положил начало раскрытию всего состояния руководства ЦГР, поставил в центр внимания истории Жени Бегун вопрос о бытовой нечистоплотности секретаря райкома. Это было концом нити, распутавшей грязный клубок всего «дела», которое мы выше обрисовали со всеми его характерными особенностями.

В этом деле резко выделяются два основных момента: момент бытового разложения и момент политического перерождения, потери классового чутья.

Можно ли эти два момента отделять друг от друга? В какой зависимости, в каком взаимодействии они друг к другу находятся, в чем, наконец, причины бытового разложения рабочего парня — комсомольца и коммуниста, в чем причины притупления его классового чутья? Вот те основные вопросы, которые возникают в связи с делом Зимы, вот те вопросы, ответ на которые должен явиться серьезнейшим предостережением для многих.

Мы уже показали, что историю с Женей Бегун, положившую начало всему громкому делу, отнюдь нельзя делать стержнем всего этого дела. В равной степени в корне неправильным было бы искать или видеть причины, корни всего дела ЦГР в фактах бытового разложения Степана Зимы и его «славной стаи».

Значит ли это, что факты бытовой распущенности не должны приниматься нами во внимание? Ни в коем случае. Нужно, во-первых, ясно понимать, что нельзя рассматривать элементы бытового разложения изолированно от всей деятельности того или

другого товарища. Нельзя бытовое разложение рассматривать как что-то случайное, ни от чего не зависящее, и ни на что не влияющее.

Для того, чтобы действительно обнажить корни дела ЦГР, чтобы понять неразрывную связь всех характеризующих его фактов — начиная с бытовой распущенности и кончая извращением классовой линии союзного руководства — необходимо выяснить вопрос: что является причиной и что — следствием, явилась ли искривленная политическая линия в руководстве ЦГР следствием бытового разложения группы руководящих работников района, или бытовое разложение явилось следствием потери этими работниками классовой линии, их отрыва от масс, потери ими политической перспективы.

Если поверхностно подойти к этому вопросу, то как будто совершенно ясно рисуется такая приблизительно картина: Зима — секретарь РК, «свой» парень, не прочь погулять, «слабоват насчет женского пола» — вот начало. Выпивать, трепаться в одиночку не станешь — вокруг Зимы группа друзей-приятелей. Секретарь РК — человек с положением — круг собутыльников легко устроить на соответствующую работу — превратить их в опору для себя в организации — вот принцип семейственности, круговой поруки, скрепленной узами бытовых грешков. А отсюда, как вывод — потеря классовой линии, подмена ее линией выдвижения «своих» людей, оправдание ошибок «своих» людей, взаимного покрывания этих ошибок.

Если дело обстояло так, то ясно, что в основу всего ставится бытовая неустойчивость некоторых руководителей ЦГР. Если дело обстояло так, то вывод из всего дела может быть один: группа Зимы — чуждые, разложившиеся люди — выгнать их из организации и из партии грязной метлой и дело с кон-

цом. И в таком случае урок из всего дела можно извлечь только тот, что разложившихся людей надо гнать из комсомола и из партии.

Суть, конечно, не в этом. Дело ЦГР имеет значительно более сложные и глубокие корни. Если вдуматься во все вскрывшиеся факты, то совершенно очевидным становится, что дело ЦГР — не случайность, зависящая от личных бытовых качеств секретаря райкома. Роль личности Зимы в истории ЦГР — очень второстепенная роль, если оценивать ее в разрезе извлечения уроков из всего дела.

Выделим некоторые, наиболее характерные факты, которые заслуживают особенного внимания для определения истинных условий, приведших руководство ЦГР к позорному банкротству.

На пленуме коллектива фабрики имени Володарского, при обсуждении вскрывшихся фактов, произносятся такие слова:

«В райкоме в течение трех лет подбирались группа ребят «своих» и к ним трудно было приступить. Райком все время боялся пустить к руководству новых, свежих людей. Боялся как бы они не разоблачили его. . .»

Три года подбирались группа «своих» людей. Это — не, более или менее, случайный эпизод с Женей Бегун, которого могло и не быть. Три года подбирались группа «своих», потому что верхушка райкома боялась.

Чего? Чего боялась группа ответственных руководителей районной организации? Неужели молодые рабочие ребята, выросшие в комсомоле, выдвинутые в свое время комсомолом на руководящую работу, были настолько развращены, настолько разложившись, что никого не подпускали к руководству только потому, что это угрожало их образу жизни, — пьянкам и т. д.

В фактическом материале всего дела мы подтверждения этому не находим. Чего же все-таки боялась руководящая верхушка райкома?

На коллективе завода имени Марти, при обсуждении тех же фактов, один из товарищей говорит:

«В истории Ленинградского комсомола выдвижение Зимы не имеет примера: он безграмотный человек, он не мог руководить работой района. . .»

Из приведенных двух цитат мы получаем картину: секретарем Центрально-городского района становится безграмотный человек, не умеющий, не способный руководить организацией. Под его руководством задерживается выдвижение молодого актива, задерживается приток свежей, молодой силы — потому что райком боялся подпускать к себе новых растущих, не «своих» людей. Почему? По очень простой причине: руководящая группа райкома была качественно очень слаба, руководить не могла, но цепко держалась за рычаги руководства. Дело тут не в бытовых грешках, не в семейственной круговой поруке на бытовой почве, как это обыкновенно понимают. Дело тут именно в том, что к руководству попала группа ребят, не способных руководить по существу, но хотевших быть командирами.

С каждым годом усложняются условия социалистического строительства в нашей стране, с каждым новым успехом, с каждым шагом вперед вырастают новые препятствия, новые задачи. Путь нашего роста — это путь преодоления ряда препятствий и трудностей.

Препятствия и трудности возникают не только на фронте нашего хозяйственного строительства. Усложняются с каждым годом и условия воспитания и выращивания нового человеческого материала, который должен будет продолжить и завершить дело про-

летарской революции. Усложняются с каждым годом задачи комсомола — коммунистическое воспитание молодежи.

Последние годы сделали особенно сложными пути развития комсомола. Успехи нашего строительства заставляют живого еще и весьма живучего классового врага вести самую энергичную борьбу за свое существование. Если для нас, для революции, одним из важнейших вопросов является вопрос о выращивании новых людей, вопрос о молодежи, о смене, то этот вопрос является не менее важным и для нашего классового врага, ибо — кому принадлежит молодежь, тому принадлежит будущее. Поэтому борьба за молодежь является одним из значительнейших и важнейших участков классовой борьбы в настоящий период.

Борьба за молодежь в наших условиях заключается в основном в том, чтобы удовлетворить ее запросы, ибо диктатура пролетариата обеспечивает за партией и комсомолом монополию политической агитации и пропаганды. Идеологи и организации классового врага, которые с большим умением (этого нельзя отрицать) ведут свою работу за овладение интересами молодежи, обязаны своему, хотя и незначительному, но все же успеху своим умением чутко приспособляться к внутренним запросам и интересам нашей молодежи, запросам не политического, а бытового, общекультурного порядка, на которые наши организации до сих пор не всегда умело и своевременно отвечают.

В этих потребностях и запросах, только в самое последнее время начавших находить себе место в календарных планах нашей практической работы, в вопросах житейских наша молодежь коммунистического руководства почти не имеет. А через этот участок нашего фронта и вклинивается классо-

вый враг, умело использующий все недочеты и прорехи работы.

Именно эти обстоятельства — обострение борьбы за молодежь, недостаточные приспособленность, гибкость и умение наших организаций привлекать и завоевывать массы молодежи определили собой основную линию организационной работы комсомола за последние три года: перестройка всей системы нашей работы, приспособление ее к новым, растущим запросам молодежи.

За годы революции внутри пролетарской молодежи произошел колоссальный культурный сдвиг. Этот громадный рост культурности и является основанием того огромного роста запросов, который мы сейчас имеем. Удовлетворение этих запросов является основной задачей комсомола, ибо иначе он перестает быть авангардом пролетарской молодежи, ибо иначе он теряет связь с массами, ибо иначе он лишается своего вербовочного фундамента.

Разрешение вставших перед комсомолом новых задач должен выносить на своих плечах, в первую очередь, руководящий актив организации. Задачей этого актива является самое внимательное прислушивание, самый внимательный учет растущих снизу запросов и умение претворить их в систему работы организации.

На VIII всесоюзном съезде комсомола тов. Бухарин в своем докладе не мог, конечно, не уделить серьезного внимания этому важному вопросу.

«Партийная и комсомольская масса необыкновенно выросла, но выросли и потребности масс, потребности рабочей и крестьянской молодежи. И тут огромная опасность заключается в том, что кадровый состав молодежи, ее ведущий состав не успевает удовлетворять эти запросы — отстает от них».

Существует ли эта опасность? Конечно, она суще-

ствует. Она даже получила в период, прошедший после съезда, целый ряд численных подтверждений.

Дело в том, что удовлетворение и разрешение этих новых задач требует от руководства совершенно иных методов работы, чем это было раньше. Во-первых, от руководителей требуется сейчас значительно более глубокая и всесторонняя грамотность, ибо не может руководитель быть в политическом и культурном отношении менее развит, чем та масса, которой он должен руководить. Во-вторых, эти задачи требуют окончательного вытравления из союзного руководства тех старых методов, которые использовал комсомол в своей работе в эпоху гражданской войны и первый период превращения комсомола в массовую организацию и которые в настоящих условиях и при стоящих сейчас перед союзом задачах превращаются в грубое командование и казенное циркулярное администрирование.

Совершенно естественно, что определенные группы союзного актива не были приспособлены к новым методам союзного руководства. Совершенно естественно, что новые задачи, ставшие перед руководящим активом, в первую очередь, потребовали самой решительной борьбы с элементами бюрократического закостенения, которое в активе имеется; совершенно естественно, что эти задачи потребовали самого решительного втягивания новых свежих сил в руководящие кадры.

И также совершенно естественно, что определенные группы той части актива, которая не могла справиться с новыми задачами, не хотят спокойно уступать свое место, не хотят без боя признать свою несостоятельность.

Дело ЦГР является одним из наиболее ярких примеров того, как мертвый хватает живого. Зима не был способен руководить районом, а все же он

блицетворял «руководство». Возникает вопрос: как мог такой человек в течение нескольких лет удержаться у руля?

Совершенно ясно, что если он сумел удержаться у руководства, то только за счет того, что не подпускал близко новые, живые силы, которые неизбежно смели бы его с пути.

Все факты дела ЦГР, при правильной их расстановке, дают нам полную картину того, как отмирающая система работы «борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело» (Сталин).

Зима для того, чтобы остаться руководителем организации, был вынужден подбирать «под себя» людей или еще менее способных чем он сам (иначе его бы быстро «сковырнули»), или карьеристов, «лающих в такт».

Вот где узел роковой петли, в которой запуталось руководство ЦГР.

Семейственность стала необходимой для того, чтобы прикрывать свое неумение руководить. А эта семейственность стала каменной стеной между руководителями районной организации и всей организации, всей массой беспартийной молодежи. Все руководство при этой системе могло осуществляться только через узкий круг «своих», посаженных сверху на шею коллективам, людей.

Беда Степана Зимы — секретаря райкома, заключалась в его слабости как руководителя. Вина Степана Зимы, конкретного носителя зла, заключалась в том, что вместо того, чтобы осуществлять трудное и ответственное руководство, опираясь на пролетарский костяк районной организации при помощи товарищеской пролетарской самокритики снизу, вместо того, чтобы работать над собой — он окружил себя стеной гнилой семейственности, пошел по линии обмана организации и высших руководящих

органов союза (подтасованный отчет к райконференции), надеясь путем удушения самокритики и грубого зажима замазать банкротство свое и своей системы.

Мы уже сказали, что центром дела ЦГР является не бытовое разложение Степана Зимы, а гнилая система руководства организацией. Но притти на этом основании к тому выводу, что бытовое разложение вообще в деле ЦГР, как и во всякой другой организации, где загнивает система руководства, не имеет какого-либо значения, было бы также глубоко неправильным.

Неправильным хотя бы уже потому, что систему осуществляют люди, особенности, характеры и знания этих людей, они накладывают свой отпечаток на эту систему; неправильным, хотя бы уже и потому, что элементы общественной и личной жизни, будучи тесно переплетенными, находятся в прямой, органической связи между собой.

Существует такое мнение у многих товарищей, что моменты бытовые (пьянка, половая распущенность и т. д.) должны интересоваться нас постолько, поскольку они влияют на общественную работу данного товарища. Эта точка зрения, эта оговорочка является не чем иным, как выражением примиренческого отношения к бытовому разложению.

Эта точка зрения обнаруживает глубочайшее непонимание той простой истины, что нельзя быть в одном отношении, скажем в политике и общественной работе коммунистом, а в другом отношении, в быту — позорить свое звание коммуниста, в быту вести себя так, как ведет себя разлагающийся представитель буржуазного общества.

Элементы бытового разложения не могут быть у настоящего коммуниста — это ясно. А с другой стороны также ясно, что нечистоплотный в быто-

вом отношении человек не является коммунистом, несмотря на его, возможно, очень хорошее выполнение своих партийных обязанностей.

Нельзя ни на секунду забывать, что мы живем еще в обстановке классовой борьбы, что мы окружены классовыми врагами. В настоящий период нашего широко развернутого наступления на частно-капиталистический сектор страны эти классовые враги оказывают нам бешеное сопротивление, пытаются перейти в контр-атаку на слабых участках классового фронта.

Быт является одним из наименее защищенных участков этого фронта и влияние мелкобуржуазной стихии в нашей стране просачивается в рабочий класс и его организации в значительной степени именно через это слабое место — через быт.

Бытовое разложение — явление типично мелкобуржуазное в нашу эпоху пролетарской революции, так же, как оно было явлением типично дворянским в эпоху буржуазной революции. История рассказывает нам о разврате и моральном упадке, господствовавших во Франции в эпоху Великой Революции 1789 года, положившей конец господству дворянства.

Вообще бытовое разложение и все факты, его характеризующие, являются достоянием господствующих классов, близких к своему концу.

Рабочий класс является классом восходящим, ведущим человечество вперед, к более совершенным коммунистическим формам общественной жизни.

Но яд бытового разложения просачивается в капиталистическом обществе и в рабочий класс, ибо пролетариат не изолирован и подвергается влиянию класса, господствующего не только экономически и политически, но и духовно, культурно и морально.

Свергнув в нашей стране господство капитализма, рабочий класс, конечно, не мог сразу же револю-

ционным путем выкорчевать пни глубоко засевавших в его сознании взглядов, привычек и традиций буржуазного общества. В этом причина того, что в нашем быту, на ряду с более растущими элементами нового, пролетарского, имеется еще очень много остатков разрушенного прошлого. Только в борьбе с этими остатками строится и создается новый быт, новая пролетарская мораль, растет новый человек. Понятно, что в борьбе за нового человека не может быть места примиренческому отношению к тем хвостам старого, которые особенно глубоко сидят в нашем быту и которые на первый взгляд как будто бы никакого отношения к пролетарской классовой борьбе не имеют.

Эти пережитки старого быта, явления бытового разложения на самом деле играют очень большую роль, разлагая и внося дезорганизацию в ряды борцов за социализм, в ряды рабочего класса, перед которыми стоят еще очень большие трудности на пути завершения пролетарской революции.

Классовая борьба в нашей стране еще далеко не закончена, еще по сей день правильны слова Ленина, что «для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для социализма», ибо до сих пор еще количественно в нашей стране преобладает мелкое частнособственническое хозяйство.

Моменты бытового разложения, ослабляя ряды пролетариата, играют на руку врагам пролетарской диктатуры, не теряющих надежд на восстановление капитализма. Больше того — хитрый и твердо идущий к своей цели классовый враг прекрасно умеет пользоваться прорехами классового фронта в нашем быту. Надо только вспомнить уроки вскрытых за последний год «дел» — смоленского, сочинского, артемовского и особенно шахтинского. Во всех этих случаях одной из гостеприимнейших лазеек

классового врага явилась бытовая неустойчивость тех людей, которые рабочим классом и партией были поставлены руководить отдельными участками пролетарского государства.

Мы видим, таким образом, что в вопросе о бытовом разложении мы должны принимать во внимание два момента: во-первых, бытовая распущенность имеет в своей основе элементы упадочничества, во-вторых она играет на руку классовому врагу, обнажая ему лазейку в стан пролетариата.

Поэтому все и всякие факты бытового разложения заслуживают нашего самого тщательного внимания, хотя они как будто никакого влияния на общественную работу данного товарища не имеют.

В действительности, и это особенно важно отметить, когда речь идет о молодежи, моменты бытового разложения сигнализируют, что кое-что в идейном состоянии данного товарища не в порядке, что его целеустремленность дала трещину. Ибо безответственность, в основе которой лежит бессознательное упадочничество — а бытовое разложение является фактом внутренней безответственности — несовместима с решительным стремлением к ясной цели. Именно поэтому необходимо особенно внимательно присматриваться к фактам бытового разложения — в частности, если они имеют место среди руководящего актива, от которого требуется очень большая целеустремленность и очень ясное понимание перспектив.

Поэтому и в деле Степана Зимы — как и во всяком другом подобном деле, мы ни в коем случае не можем подойти к фактам бытового разложения только с точки зрения постолько, поскольку оно отражается на общественной работе.

Зима потерял перспективы чувства ответственности и целеустремленности потому, что не хотел

итти в ногу с жизнью, не хотел отказаться от гнилых методов руководства, не хотел признать несостоятельность этих методов. В борьбе против активности масс, внутрисоюзной демократии и самокритики Степан Зима потерял свое классовое чутье и очутился на грани потери своей классовой принадлежности.

Если мы теперь подведем итоги всему делу ЦГР, то картина получится совершенно ясная.

В новых сложных условиях работы комсомола, в условиях возросшей культурности масс и возросших и усложнившихся в связи с этим запросах, возрастают в огромной степени задачи и требования, предъявляемые к руководству. В Центрально-городском районе руководящая верхушка организации по своему качественному составу не могла справиться с этими задачами, не умела организовать творческую активность масс, выросшую на почве общего роста культурности и запросов.

Ослепленные своим собственным величием, руководители района не хотели учиться у растущих и переросших их низов, не хотели принимать зарождавшуюся в организации самокритику, замкнув свое руководство в оковы грубого командования, зажима и организационного комбинаторства, заключавшегося в подборе и навязывании коллективам «своих» людей.

Неизбежным следствием такой системы руководства явился полный отрыв этих «руководителей» от массы, замыкание их в кольцо круговой поруки.

Вся эта система могла иметь место только при условии полного отсутствия перспективы и целеустремленности у руководства организации, следствием которого явилась психология капитулянтства и упадочничества у руководителей. А эта психология, в свою очередь, уничтожила у носителей ее вся-

кое чувство политической и моральной ответственности как в области общественной жизни, так и в области быта.

Искривление классовой линии в руководстве организации, выразившееся прежде всего в извращении политики роста — с одной стороны, и полное игнорирование самокритики, новой системы работы и т. д. с другой, — вот тот итог, к которому привела районную организацию и ее руководителей система Степана Зимы.

Письмо ЦК ВЛКСМ Ленинградской организации в связи с делом ЦГР подчеркивает, что «отдельные элементы этой системы, сложившейся в Центрально-городском районе в законченном виде, имеют место в тех или иных размерах и в других наших организациях».

Как мы выше разобрали, в основе этой системы лежит вопрос о качестве руководящего актива организации. Здесь не следует брать вопрос формально — качество только в смысле известного политического и культурного уровня. В конце концов этот уровень у огромного большинства нашего актива еще чрезвычайно низок. Но из этого обстоятельства нужно сделать *первый вывод*: постоянная серьезная углубленная работа над собой, над повышением своего политического и культурного уровня является основной и важнейшей задачей, ибо без этого не может быть осуществлено в настоящих условиях руководство, ибо именно безграмотность Степана Зимы явилась краеугольным камнем гнилой системы руководства в ЦГР.

Но этого одного мало, мало особенно в настоящий период, когда, как мы уже говорили, уровень актива еще не соответствует полностью всем требованиям, которые к нему предъявляются. Здесь вопрос о качестве актива упирается в вопрос коллективного руко-

водства, в умение руководящего актива привлечь к деятельнейшему участию в руководстве низы. А это предполагает смелое и решительное проведение самокритики и внутрисоюзной демократии, это предполагает внимательнейшее отношение ко всякому даже мельчайшему проявлению самостоятельности и инициативы снизу — вот *второй вывод*.

Дело ЦГР — не случайность. В этом деле нашли свое законченное выражение те недочеты и болезни, которые имеются в нашем союзе, и устранение которых является обязательным условием для успешного выполнения задач, стоящих перед комсомолом.

Поэтому необходимо самое вдумчивое отношение к делу ЦГР и подобным ему делам, потому что выводы из этого дела являются важнейшим предостережением и указанием для всей комсомольской организации.

НА НОВЫЕ РЕЛЬСЫ.

Основные выводы по делу в Центрально-городском районе. Приняты на собрании актива Центрально-городского района 1 сентября 1928 г.

Обследование Центрально-городской районной организации ВЛКСМ показало, что районная организация в основном здорова. Вместе с тем, обследование выявило кризис руководства районного комитета, разрыв между руководящей верхушкой РК и массами комсомольцев, что является собой яркий пример извращенной системы, руководства на основных участках работы союза.

Этот кризис руководства РК сложился в результате беспомощности руководящей группы в новой обстановке работы комсомола (недостаточной ее стойкости и противодействии давлению мелкобуржуазных элементов на комсомол и проведении четкой классовой линии) и был углублен наличием в бюро РК скрытой беспринципной групповой склоки и отсутствием бдительного контроля со стороны широких масс, а также слабостью руководства со стороны областного комитета ВЛКСМ (который прошел мимо заявления комсомольцев 3-да Марти и не принял своевременно мер к оздоровлению обстановки) и райкома ВКП(б).

Кризис руководства в основном характеризуется грубым нарушением основ внутрисоюзной демокра-

тии; классово-неправильным, случайным и семейственным подбором руководящего актива и навязыванием его вопреки воле комсомольцев крупнейших коллективов в районе (з-д Марти, ф-ка Халтурина), извращением линии регулирования роста, что замазывало перед организацией действительное положение вещей.

В результате этого положения нынешнее руководство ЦГР стало тормозом перестройки и оживления союзной работы, тормозом действительного проведения внутрисоюзной демократии, развертывания самокритики, классового воспитания кадров союзного актива и привело к следующему:

1. Резкому ухудшению социального состава организации за весь 1927 г. и стабильности рабочего ядра за 1928 г., при явно неудовлетворительном его удельном весе в организации (охват рабочей молодежи по району 57%, а служащей молодежи — 56%, в составе вновь принятых за 1927 год рабочей молодежи — 44% и всей остальной молодежи — 56%, за 1928 г., — рабочей молодежи 56% и всей остальной молодежи — 44%). Во всех звеньях актива в последнюю перевыборную кампанию произошло вытеснение рабочего ядра служащей и учащейся молодежью (уменьшение рабочего ядра в составе бюро коллективов рабочей группы по сравнению с 1927 г. на 10% и увеличение служащих на 12%, падение рабочего ядра среди секретарей рабочих коллективов на 10% и также увеличение служащих).

2. Значительному понижению руководящей роли основных пролетарских коллективов района и недостаточному воспитанию актива из этих коллективов.

3. Лозунг самокритики не продвинул в массы и районный комитет не принял никаких мер к раз-

вертыванию самокритики. Организация прошла мимо обращения ЦК партии и ЦК комсомола о самокритике (на большинстве коллективов эти обращения не обсуждались в связи с опубликованием в печати материалов о деле Зимы).

Необходимо при этом отметить, что хотя «Смена» несколько запоздала с опубликованием материалов по делу Зимы, но своевременно и правильно перевела обсуждение вопроса о личности и неэтических поступках Зимы на обсуждение вопроса о системе и содержании работы и руководства в районе.

4. Отсутствию действительного перелома в работе по-новому. Поднимающиеся снизу ростки новых форм и методов работы (производственные переключки, «легкая кавалерия», бытовые ядра и т. п.) вследствие бюрократического руководства не могли получить своего и всеместного распространения и нужной поддержки.

5. В области экономической работы ряд крупнейших вопросов: колдоговорная кампания, ее уроки, переход ф-ки Володарского на 7-часовой рабочий день, работа среди молодежи частных и кустарных предприятий — все эти вопросы не нашли необходимого отражения в руководстве РК.

Имеющиеся извращения руководства со стороны аппарата комсомола Центрально-городского района диктуют необходимость по-иному ориентировать организацию в основных вопросах работ союза на основе решений VIII съезда ВЛКСМ и проведения следующих мероприятий:

1. Переизбрать бюро районного комитета и сместить всю бюрократившуюся оторвавшуюся от масс верхушку работников райкома, заменив ее новыми кадрами рабочего актива, способного руководить организацией в новых условиях и задачах работы союза. Эта первоочередная мера, без которой не-

возможно рассчитывать на оздоровление обстановки, должна явиться лишь первым шагом в целой системе мероприятий, разрушающих самую основу прежнего руководства и прежних отношений.

За ведение беспринципной склоки — всех ее инициаторов и руководителей передать в КК ВКП(б).

2. Развернуть беспощадную самокритику широкими слоями комсомольцев и рабочей молодежью недостатков и болезней в организации. Немедленно приступить к обсуждению на всех кол-вах письма ЦК ВЛКСМ о самокритике и информационного письма обкома ВЛКСМ о болезненных явлениях в организации, в частности, уроки дела в ЦГР.

Привлекать к суровой ответственности всех, проявляющих попытки к подавлению самостоятельности, самокритики и нарушающих принципы внутрисоюзной демократии.

3. Повысить роль основных рабочих кол-вов в руководстве организацией, сделав их средоточием опыта по перестройке системы и содержания руководства, выдвигать из них новые, лучшие кадры proletарского актива для работы в районе.

4. «Легкая кавалерия», производственные переклички, ударные бригады из молодежи, организация любителей вокруг отдельных вопросов (радио, художественная литература и т. д.), бытовые ядра, культпоходы должны стать повседневным достоянием и основными формами работы каждого кол-ва в р-не.

Используя все эти формы, в целях организации масс молодежи, вокруг творческого участия в рационализации производства, борьбы с бюрократизмом, необходимо в то же время настойчиво бороться с попытками оказывания этих форм втискиванием их в рамки штамповочных комиссий и официальнойщины.

5. Беспощадно выкорчевывать гнилые методы подбора людей (семейственность, подбор случайных, беспрестанное назначенчество сверху и т. д.).

Новое руководство в предстоящие перевыборы в бюро кол-вов и ячеек должно взять курс на выдвижение молодого рабочего актива с мест, обеспечить решительное повышение рабочего ядра актива, действительное проведение курса на рабочего активиста, могущего быть организатором рабочей молодежи.

Учитывая приток на производство новых кадров молодежи из школ, детдомов и т. д., не обладающих при всей своей грамотности достаточным классовым чутьем, к их выдвижению на руководящую работу в комсомоле необходимо подходить с большой осторожностью.

Теоретическая подготовка актива и всей организации является лучшей гарантией от принципиальных ошибок и извращений в работе, поэтому одной из центральных задач райорганизации на ближайший период должна явиться постановка углубленной политической учебы, в первую очередь среди вновь выдвинутого актива.

6. Повседневная защита экономических интересов рабочей молодежи должна стать в центре внимания райорганизации. Необходимо немедленно произвести проверку выполнения колдоговоров в пунктах, касающихся труда и образования рабочей молодежи, привлекая хозяйственников к ответственности за невыполнение колдоговора, обследовать состояние школ ФЗУ в районе, итоги их комплектования, после чего создать при РК совещание хозяйственников по этому вопросу.

Новому руководству обеспечить развертывание в организации массового профтехнического образования (строительство вечерних рабочих школ, проф-

технических курсов и т. д.), совместно с отделом труда выявить положение молодежи частных и кустарных предприятий, добиваясь предания суровой ответственности предпринимателей за невыполнение законов о труде.

Обеспечить систематическую подготовку и выдвижение новых кадров экономактива в районе путем совещаний и семинариев отдельных работников (по охране труда, производсовещания, школа ФЗУ и т. д.).

7. Развернуть массовую работу среди беспартийной молодежи (производственные конференции, собрания и т. д.), своевременно ставить злободневные волнующие ее вопросы и на этой основе проводить усиленную вербовку в союз новых кадров рабочей молодежи, особенно на крупных предприятиях.

Вместе с этим должна быть взята четкая, исключая всякие иные толкования, линия на жесткое регулирование роста в советских и школьных к-вах, допуская к приему лишь самых лучших, хорошо проверенных на общественной работе.

Всеми этими мероприятиями организация должна в течение ближайшего времени добиться серьезных результатов в оздоровлении своего роста.

Провести перепись райорганизации с целью выяснения ее действительного количественного и социального состава.

8. Райком должен стать во главе движения организации за новые формы и методы работы, за новую систему руководства, для чего необходимо: всю работу РК перевести на вечерний период, приспособляя ее к работе молодежи.

В состав бюро РК ввести не менее 50% рабочих от производства.

Раскрепить работников РК по коллективам и цехачейкам, проверяя их работоспособность и уме-

ние работать по-новому, в первую очередь, на коллективах, к которым они прикреплены.

Обязать руководящих платных работников РК не менее 2-3 часов в день бывать на коллективах.

Провести работу с созданными уже кадрами *нештатных инструкторов*.

Провести ряд мероприятий, облегчающих развертывание новых форм и методов, в частности, создать совместно с РК районный штаб «легкой кавалерии».

Придать всей работе РК широкую гласность перед всей районной организацией.

Немедленно приступить к подготовке перевыборной кампании бюро коллективов и бюро цехачеек, а также и к подготовке очередной районной комсомольской конференции, созвав ее через 1½ месяца.

Приложение 2.

ЗА ПОДЪЕМ КОМСОМОЛЬСКОЙ РАБОТЫ, НА ОСНОВЕ БЕЗБОЯЗНЕННОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ САМОКРИТИКИ.

Речь т. Мильчакова на пленуме Ленинградского обкома ВЛКСМ 1 октября 1928 г.

Самокритика слабо развернута

Товарищи, говоря о самокритике вообще и о предварительных итогах ее проведения в комсомоле, надо прежде всего спросить себя, *в чем ядро вопроса?* Ответ может быть только один. *Самокритика слабо развернута*, рабочая молодежь ею еще не овладела как основным рычагом обнажения недостатков и язв, для того, чтобы коллективно, вместе с комсомольским руководством, эти недостатки и язвы устранять. И здесь надо ударить по тихому сабо-

тажу самокритики, проявляющемуся со стороны отдельных руководителей. Выступить открыто против самокритики — это теперь встречается очень редко, потому что сейчас же массы «накостыляют по затылку» такому человеку, а вот тихой сапой итти против самокритики, сводить ее на-нет бюрократическими преградами — это еще встречается сплошь и рядом.

Второе, на чем нужно остановиться, это на разрыве между словами и делами в нашей комсомольской организации.

Рабочая молодежь нас проверяет теперь не столько по нашим красивым словам, сколько по делам. Говорят — актив комсомола боится самокритики, боится, что его «укритикуют». Есть такие явления. Но гораздо более опасное явление, когда рабочая молодежь боится критиковать. Мы вот выступаем и говорим: воспитывайте из молодежи безбоязненных борцов с бюрократизмом, с извращениями и т. д. Но ведь это — в большинстве случаев пока одни слова. Чтобы не боялись критиковать, надо на деле критикующих брать под защиту. Давайте примеры, как у вас здесь, в Ленинградской организации, в одном, другом, пятом, десятом случае, на самом деле взяли под защиту человека, которого за критику притесняют — и в газете об этом пишете. Этой защиты у нас нет еще или очень мало. Что же удивляться, если бояться критиковать? Мы сами не закрепляем таких условий для самокритики, чтобы можно было действительно без риска быть вышвырнутым с работы, выступить и обнажить тот или иной недочет и воевать за его устранение.

Комсомольская масса и рабочая молодежь, при умелом руководстве сверху, будет без страха и сомнения лечить болезни и недочеты организации и чувствовать, что эта организация — родная, близкая,

ее пролетарская организация, и болезни, и гнойники в этой организации вызывают чувство боли у рабочей молодежи.

Тов. Иванов говорил уже здесь, что нашим комитетам, нашим руководителям нужно почистить свои уши и бюрократическую паклю оттуда повыковырять, чтобы уметь свободно слышать, о чем шепчет рабочая молодежь, что говорит про комсомол и его работу, чем недовольна, на что ворчит.

Тревожный сигнал из Ленинграда.

На примере Центрально-городского района мы можем проследить, как комсомольские руководители потеряли там чуткость к рабочей молодежи, к основным пролетарским коллективам в районе, тяжелые последствия чего не замедлили сказаться по всем направлениям. Положение в Центрально-городском районе — это тревожный сигнал для всей Ленинградской организации, для всего союза.

В основном, без сомнения, здоровая организация пережила полосу таких тяжелых болезненных явлений, из которых все еще полностью она не выкарабкалась.

Пленум обкома должен задуматься над тем, что произошло в ЦГР, чтобы извлечь урок для всей организации, для всего Ленинградского комсомола. Внимательнейший разбор этого вопроса поможет вооружить всю организацию, дабы предотвращать возможность повторения таких явлений в других местах нашего Союза.

Что мы получили в результате обследования ЦГР? В ЦГР мы видим, прежде всего, пример, загнивания верхушки комсомольской организации в силу отсутствия притока в эту верхушку свежей пролетарской крови. Мы имели там такую работу райкома, при

которой не было четкого пролетарского руководства ячейками, такого руководства, когда руководящий пролетарский штаб ко всему подходит с точки зрения укрепления в районе положения и руководства рабочей молодежи. Это главное обстоятельство не было предусмотрено, а между тем ЦГР находится на особом положении. Известно, что это — смешанный и чрезвычайно своеобразный район, что он больше, чем другие районы, подвержен влиянию мелкобуржуазной стихии. Там главным образом действуют школы и учреждения и очень мало пролетарских коллективов. Райком Центрального района в особенности должен бы быть выдержанным пролетарским штабом во всех отношениях. В Центрально-городском районе основные коллективы, как коллективы завода Марти; фабрика Халтурина, фабрики Самойлова, типографии Володарского, представляют собой пролетарские острова, на которые нужно в первую очередь опираться. А надо сказать, что опоры на эти основные рабочие коллективы не было в работе Центрального района. И предостерегающих толчков из этих коллективов не только райком, но и обком не слышал. Это надо со всей пролетарской прямотой признать. В эти рабочие коллективы, из которых надо было черпать свежие силы для всей районной организации, люди посылались пачками, проводилось грубое назначение, навязывание негодных коллективам работников. О чем это говорит? Районный комитет оторвался от рабочих коллективов, не сумел на них опереться так, чтобы черпать оттуда свежие силы и чтобы притоком этих свежих пролетарских сил воспрепятствовать бюрократизации и загниванию райкома. Райком спрятал самокритику. Зима, как руководитель, по-моему, политически прилепнул себя собственным заявлением о «четырёххвостной самокритике», когда он заявил,

что самокритика бывает четырех родов: шившая, убийственная, склочная и т. д. Райком показал, что он не понимает самого существа пролетарской самокритики и не способен ее по-настоящему осуществлять.

Преобладание бездушной канцелярщины.

В руководстве райкома преобладала бездушная канцелярщина, циркуляры; «живой жизни» в работе райкома было очень мало, словно «кот заплакал». Райком внешней видимостью работы, как это довольно часто бывает у нас в организациях (крутится машина, снуют люди, ходят куда-то, кого-то назначают, что-то пишут-строчат), вводил в заблуждение областной комитет и партийную организацию насчет истинного положения вещей.

В качестве иллюстрации я прочитаю несколько строк из сводки райкома о перевыборах бюро ячеек. Там написано: «Перевыборы в районе прошли под лозунгом самокритики, лозунг самокритики нашел массовое практическое отражение в перевыборах». Обследование показало, что это — враки. «Во время перевыборов мы видели проведение широкой внутрисоюзной демократии». Обследование показало, что и это — враки. «Во время перевыборов активное участие в прениях принимали рядовики, проявляя к вопросам строго конкретный подход». Последнее более правильно, но «строго конкретный подход» рядовиков разбивался о бюрократический панцырь райкома. В коллективах ребята волновались, работа ослабевала, руководство было сквернейшее, а в сводках люди услаждали себя несуществующими «достижениями»... Обком признает, что до последнего времени он тоже слабо руководил Центрально-городским районом. Правильно это? (Иванов: — да, признаться нужно). Обком комсомола, как руково-

дящий орган, будет сильнее от того, что он признает это свое упущение и не просто признает, а наверстает упущенное.

Обследование Центрального района закончено. Итог подведен. Актив района своей резкой оценкой результатов работы старого райкома поставил точку на определенном этапе и развитии организации. Теперь надо работать и приложить максимум усилий к тому, чтобы вытравить без остатка все болезненные явления в организации, на основе вовлечения в работу масс рабочей молодежи, на основе самокритики.

Что такое новая система работы?

Я хочу сделать несколько дополнительных выводов в связи с Центрально-городским районом, а также остановиться на ряде задач, которые стоят перед нами в деле проведения самокритики в комсомоле. Какие общие выводы напрашиваются, когда мы подводим черту и под этим обследованием, и вообще под пройденным этапом нашей работы? Нам нужно как можно скорее перестраиваться в духе требований момента, нам всем нужно учиться работать по-новому.

Позвольте сказать несколько слов о новой системе работы. Я хочу здесь покритиковать областной комитет за одну фразу в решении прошлого пленума обкома. Прошлый пленум в резолюции о новой системе работы записал: «Новую систему проводить с 1 октября». Это в корне неверно. Никакой системы, да еще новой, с 1 октября проведено быть не может. У нас есть много неправильного в разговорах о системе работы. Иной раз представляют дело так (и тем запугивают молодых активистов), что вот была старая система, старое рубище на нашем теле, мы его скидываем и достаем из футляра новый сюр-

тук; рассмотрели этот сюртук, надели и пошли гулять в новом сюртуке, в «новой системе», допустим, с 1 октября. Перед нами весьма неправильное представление о вопросе.

Что такое новая система? Это — прежде всего беспощадная самокритика. Стержень самокритики — учет критики рабочих масс. Что означает, таким образом, для руководителя новая система работы? Побольше сиди в ячейке, ничего лишнего, бумажного не выдумывай, чутко лови дыхание массы и к тебе поплывут житейские вопросы, которые надо удовлетворить, вовлекая в работу коллектив, оброста новым активом, выдвигая этот новый актив, не взваливая на себя, только на себя, все заботы и всю ответственность. Работать надо в коллективе сообща, взаимно учась на работе друг у друга.

Активисту снова надо напомнить: не воображай, что только ты ужасно умен и один отвечаешь за все, не воображай, что ты все делаешь, что ты облечен всеми правилами и полномочиями, а те, кто рядом с тобой, ничего не понимают. Умей работать коллективно, умей объединять людей на работе, проявляй побольше внимания к живым людям и делам.

«Оперпланы» и новая жизнь.

Возьмите и проследите по «Комсомольской Правде» за тверским смотром. Провели мы смотр руководства Тверской организации. В результате смотра губернский комитет, в лице своей головки, тихо скovyрнулся, его переизбрали, люди оказались неспособными к работе в новых условиях. А между тем они написали «губернский оперативный план», по которому должна была работать вся губернская организация, начиная с определенной даты. (Голос:— «Уж не с 1 ли октября». Смех.) Нет, они свою систему

раньше ввели. . . В общегубернском плане было предусмотрено из месяца в месяц, из недели в неделю, какие вопросы ячейка обсуждает. Было сделано примечание, что каждая ячейка может добавить к плану не более одного-двух вопросов. А что означает это «оперативное» творчество, как не верх бюрократизма и замораживания инициативы низовой организации?

Вот что было в Твери. Я не хочу сказать, что такие «геркулесы» бюрократизма сидят в планах Ленинградской организации. Я привел этот резкий пример для того, чтобы показать, как люди сидят в губкоме и додумываются до таких вещей, чтобы заставить всю организацию маршировать по «оперативному» плану, а самим дергать за веревку, воображая, что от этого работа пойдет по-иному.

Жизнь развеяла этот бюрократический план по ветру. Планы пишут, а тут же рядом в городе Твери не видят «легкой кавалерии», не видят народившихся стихийно нескольких групп велосипедистов, не видят хода жизни и проявления этой «внеплановой» жизни в ячейках, в низах молодежи.

Новая система работы означает: побольше внимания к явлениям повседневного быта массы, побольше внимания к ее требованиям, побольше внимания к опыту ячейки, к опыту отдельных комсомольцев, побольше проверки своей работы в низах, начиная эту проверку с центрального комитета. Похоже это на какой-то новый сюртук, который лежал в сундуке за семью замками, а мы теперь придумали ключи, отомкнули сундук и пошли щеголять в «новой системе»? Конечно, нет. Элементы новой системы есть в жизни, их дает опыт ячеек. Актив, вооруженный самокритикой со стороны низов, работающий в тесной связи с массой, должен перестроить методы своей работы в духе современных запросов.

Шагать в ногу с массой.

В Центрально-городском районе были вскрыты безобразные явления. Что мы видим здесь: классового врага — Зиму, или же он не умел работать? По-моему, ни то, ни другое. Зима — не классовый враг, он опустившийся член нашего класса, рабочий, бывший матрос, ныне оторвавшийся от масс. Говорят, Зима не умел работать. А какое нужно особое сверхъестественное умение, кроме твердого неуклонного желания работать в тесной связи с массой при опоре на основные ячейки, иметь глаза, чтобы выдвигать новых хороших рабочих ребят, прислушиваться к опыту ячеек, к голосу каждого активиста и комсомольца и работать, ведя себя не только в союзе, но и в повседневном быту, как подобает пролетарию-коммунисту? Когда говорят — не умеет работать, то косвенно, если не прямо, этим оправдывают многие недостатки, выгораживают себя, свои вполне устранимые промахи. Не нужна нам такая психология. Для того и выбирает нас масса в руководящие органы, чтобы мы нуни не распускали, не оправдывались без конца неумением работать, а старались бы работать. . . (Иванов: — Поднять голову?). . . Безусловно, надо поднять голову и трудиться, а не скулить падая духом: «я — человек неопытный». . . Раз тебе, руководителю, масса доверяет, оправдай доверие как можно скорее и больше, на все 100%. Учись на работе и иди вперед, шагая в ногу с массой.

Возвращаясь к вопросу о том, что актив боится, как бы его не «укритиковали». От этой боязни надо поскорее отделаться. С этой боязнью надо бороться. Пленум обкома должен дать директиву резко одергивать актив за случаи пассивного саботажа самокритики. Учиться работать и руководить следует

именно на базе безбоязненного развертывания самокритики.

О задачах «Смены».

Теперь о вашей газете. О «Смене» идут разговоры, будто она живет по правилу «сильней обкома зверя нет». . . (Смех: «Сильнее кошки зверя нет»). Ну, пусть «сильнее кошки зверя нет». . . Одним словом, речь идет о критике комсомольского «начальства». «Смене» надо подтянуться и улучшить свою работу. Нужно не обижаться на критику газеты и не стремиться теперь делать сверхъестественных антраша, чтобы доказать, что ты «не боишься никого», а взять твердую линию последовательного проведения беспощадной самокритики, особенно самокритики нашей союзной жизни и работы. Считая, что критика делу помогает, я укажу на факт неправильного поведения редактора тов. Слепнева на активе ячейки фабрики Халтурина. Тов. Слепнев порядочно наглупил, когда вел себя на ячейке грубо и по-бюрократически. Теперь этот инцидент ликвидирован. Обком объявил выговор тов. Слепневу. Пусть этот урок пойдет в прок нашим газетным работникам, поведение которых должно быть особенно четким.

Самокритика пойдет быстрее, когда мы станем не просто говорить общие слова о том, что мы на критике воспитываем, сколько будем давать в работе и прессе примеров из области самокритики и на этих примерах воспитывать, показывая плоды самокритики, реально закрепляя результаты наших призывов к массам о критике недостатков в комсомольской работе.

Справимся с болезнями.

Предварительные итоги первого этапа самокритики в комсомоле помогли нам вскрыть ряд гнойни-

ков и больных мест. Это безусловно тревожный перезвон в комсомольской работе. Нам надо к нему внимательно прислушаться. В качестве мер воздействия мы крепко вздули целый ряд руководителей. Вы знаете, что ЦК не посчитался с лицами и целый ряд членов ЦК покарал. В качестве примера могу указать на дело Маментьева-Матвеева в Самаре, на снятие Зимы. Мы добились того, что первый этап проведения самокритики помог нам вскрыть целый ряд недочетов и тем самым нас усилил, потому что мы теперь знаем, за лечение каких недугов надо основательно взяться.

Достигли мы такого положения силами масс, силами печати и отчасти силами самих руководящих органов. Больных мест в нашей работе, как вы видите, немало. Но верно ли будет, если мы станем, видя эти гнойники, нос вешать на квинту, а «гниющую жижу» размазывать по всему комсомолу? Нет, в корне неверно. Нет оснований для паники. Ведь неверно было бы, если бы мы на одном или двух примерах того или иного активиста с «дарьяльским» уклоном стали бы делать вывод относительно пьянства всего актива.

Основа наша—рабочая молодежь, рабочие ячейки. Они полны революционного здоровья. Наш комсомол полон энергии и революционного здоровья, и он справится с теми болезненными явлениями, которые сам же бесстрашно вскрывает. Нам не надо преувеличенных обобщений. Мы трезво смотрим на вещи и, ни на йоту не умаляя размеров и значения вскрываемых недочетов и болезней, не должны впадать в панику, в визгливую оценку положения в Союзе. Предоставим это обломкам оппозиции, которой уже ничего другого не остается.

РЕШЕНИЕ ПАРТКОЛЛЕГИИ ОБЛКК ВКП(б) О ДЕЛЕ ЗИМЫ.

Партколлегия Областной Контрольной Комиссии ВКП(б), рассмотрев опубликованный в «Комсомольской Правде» и «Смене» материал по делу Центрально-городского района и основываясь на докладе комиссии, обследовавшей и всесторонне изучившей дело секретаря Центрального райкома ВЛКСМ т. ЗИМЫ, вынесла следующее решение:

Партколлегия Обл. КК выносит т. Зиме строгий выговор с предупреждением и на два года отстраняет от руководящей работы, послав его на производство.

По отношению исключенной решением Обл. КК ВЛКСМ т. БЕГУН партколлегия считает это решение необоснованным и предлагает вторично пересмотреть о ней вопрос в конфликтной комиссии.

Областному Комитету Комсомола и Райкому Партии ЦГР проверить внутреннее содержание комсомольской работы в районе.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Вместо предисловия. Письмо ЦК ВЛКСМ Ленинградской организации	5
Дело о бытовом разложении	15
Семейственность в районе	19
Самокритика по Степану Зиме	23
Связь с массами	28
Извращения линии роста	30
Молчаливое партруководство	34
На бумаге густо, а на деле пусто	39
Встречные волны самокритики	42
О чем говорит дело ЦГР	49
П р и л о ж е н и я:	
Решения, принятые собранием актива ЦГР 1 сентября 1928 г.	65
Речь Мильчакова на пленуме Ленобкома ВЛКСМ 1 октября 1928 г.	71
Решение партколлегии ОБЛКК ВКП(б) о деле Зимы.	82

Н. В. СЛЕПНЕВ и Е. М. ЛАВРОВ

САМОКРИТИКА В КОМСОМОЛЕ

(Печатается)

Книжка посвящена разбору вопросов самокритики в комсомоле. Соответственно этому, она вскрывает неправильные и непартийные настроения, направленные к снижению тона самокритики, показывает, как отдельные группы товарищей пытаются под маркой борьбы с грубостью и резкостью выступить против самокритики вообще. На основе этого развивает свою основную мысль о самокритике, как методе большевистского воспитания молодежи.

Говоря о необходимости вовлечения масс молодежи в борьбу с бюрократизмом, книжка указывает на те условия, которые обуславливают необходимость усиления этой борьбы. Подробно останавливаясь на тех мелочах производственной жизни, из-за невнимания к которым может создаваться обстановка для шахтинских и смоленских дел — книжка развивает принципиальную программу действий комсомольской и легкой кавалерии.

Второй раздел книжки посвящен самокритике в действии. Сюда входит обобщенный материал, с выводами, касающийся наиболее крупных дел, вскрытых в комсомольских организациях гнойников бюрократизма, казенщины, бытового разложения и т. д. Отстаивая позиции твердой и решительной критики наших недостатков, книжка разъясняет на примере указанных дел громадное воспитательное значение школы самокритики.